

МАРГАРИТА ПРЕОБРАЖЕНСКАЯ

Мурный
ЛОХМАЧ

Маргарита Преображенская

Мурный Лохмач

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72348280

SelfPub; 2025

Аннотация

Говорят, от тюрьмы и от богатой женщины не зарекайся! Справедливость этой истины проверил на себе отчаянный гуляка и плут Базиль, когда-то навлекший на себя проклятие могущественного некроманта, после которого он взял моду многократно входить в историю (а также в раж, в состав, в топ и т.д.), действуя под тайной кличкой «Мурный Лохмач».

Содержание

ГЛАВА I. Маркиз-кис-кис	4
ГЛАВА II. Не буди во мне зверя!	36
ГЛАВА III. Узник замка Консьержи	71
Конец ознакомительного фрагмента.	92

Маргарита Преображенская Мурный Лохмач

ГЛАВА I. Маркиз-кис-кис

Развлечения были в самом разгаре, когда дворецкий объявил о прибытии нового гостя, громовым басом провозгласив на весь зал:

– Маркиз де Монбельяр!

Эти вроде бы обычные слова произвели потрясающий эффект на большинство присутствующих, причём эффект оказался диаметрально противоположным у дам и у кавалеров: дамы старательно прикрывали веерами щедро напудренные лица и торопливо опускали очи долу, чтобы спрятать игривые улыбки и горящие желанием взгляды, кавалеры же, наоборот, хмурились и гневно сверкали глазами, при этом рука каждого непроизвольно сжимала рукоять трости, в которой часто скрывался замаскированный стилет. Те же, кто был явно не в теме, тихо изнывали от любопытства, с интересом поглядывая на украшенные затейливыми золотыми завитушками двери, наконец, пропустившие внутрь молодого мужчину очень эффектной внешности.

Одет он был по последней моде изысканного рококо: в расшитый серебром бархатный жемчужно-серый приталенный кафтан, дополненный камзолом и кюлотами в тон, а также белоснежной сорочкой с кружевными манжетами. Изысканное жабо на сорочке украшала массивная брошь в виде кошачьего глаза в серебряной оправе. Конечно, такой фронт не мог не снискать интереса к своей особе, но даже если бы он явился в одежде простолюдина, ему всё равно было бы обеспечено повышенное внимание.

При этом Базиль де Монбельяр никогда не слыл писанным красавцем, для этого у него была слишком нестандартная внешность, не соответствовавшая канонам галантного века: мода на атлетичность ещё не вернулась, заблудившись где-то в Древней Греции, а маркиз отличался широкими плечами и подтянутой мускулистостью.

– Фи! Я же говорю вам: у него фигура крестьянина! – со знанием дела громким шёпотом говорили некоторые придворные дамы, при этом думая о том, что неплохо бы постоянно иметь рядом такого «простолюдина».

И наконец все соглашались с утверждением:

– Другое дело его глаза! Чудо как хороши!

И это было правдой: жёлтые, вёрткие и блестящие, как у кота, они никого не могли оставить равнодушным. Кроме всего прочего маркиз вопреки моде не носил париков, щеголяя собственной буйной напудренной шевелюрой пепельного цвета с вкраплением светлых прядей, и ещё у него бы-

ли пушистые помпоны на туфлях вместо привычных металлических пряжек, а ворс бархата на кафтане казался таким длинным и пушистым, словно это и не бархат вовсе, а изысканный мех неизвестного науке зверя.

В общем, его внешность и род занятий, о которых ходили легенды, можно было бы обсуждать бесконечно, что и делали и мужчины, и дамы, шушукаясь по углам, и только самая смелая (или, скорее, самая наивная и неопытная из них) радостно окликнула своего гостя:

– Маркиз!

– Ваше Королевское Высочество! – хитро прищуриваясь, промурлыкал в ответ маркиз де Монбельяр и мягкой походкой двинулся к столику, за которым играли в баккара, чтобы, замерев в изящном поклоне, запечатлеть прихотливый поцелуй на холёной руке августейшей особы.

Никто уже не помнил, каким ветром маркиза первый раз занесло в салон Марии-Антуанетты. Скорее всего, их познакомила задушевная подруга дофины – неугомонная герцогиня де Полиньяк. Отчасти это могло случиться, потому что Мария-Антуанетта скучала и жаждала развлечений. Впрочем, наиболее наблюдательные придворные сплетничали о том, что этим маркизом, временами являвшимся во дворец, словно бродячий кот, явно движет какой-то непонятный шкурный интерес. В любом случае, Базиль де Монбельяр очень нравился Её Высочеству, потому что Мария-Антуанетта любила развлечения, а развлекать и развлекаться он

умел.

Вот и теперь маркиз уселся рядом с дофиной и по своему обыкновению изящным жестом положил на стол красивую табакерку из потемневшего от времени серебра. Он делал так всякий раз, когда присоединялся к игре, причём табакерки всё время были новые, и неизменно с портретами женщин, даривших маркизу эти дорогие безделушки, правда, портрета дофины среди них пока не наблюдалось. Те же особенно наблюдательные придворные замечали, что Монбельяр, хотя и носил с собой табакерки, он никогда не нюхал табак, но не придавали этим причудам особого значения.

Баккара славилась непредсказуемым финалом, потому что воздействовать на ход игры с помощью хитрых стратегий было невозможно. Оставалось проявлять интуицию и полагаться на волю случая. Азартные аристократы, да и сама дофина, за один вечер могли проиграть целое состояние, но только не Базиль.

– Маркиз опять выиграл! – восторженно хлопая в ладоши, воскликнула герцогиня де Полиньяк.

– А, по-моему, наш дорогой Монбельяр не совсем честен с нами! – недовольно процедил сквозь зубы герцог де Лозен, лишившийся пяти тысяч ливров за одну игру.

– Что вы имеете в виду? Не думаете же вы, что у меня есть тузы в рукаве? – спросил Базиль с самой невинной улыбкой, в которой, правда, угадывались элегантные клыки, а потом добавил, хитро глянув куда-то в пустоту за спиной де Лозе-

на: – Или вы будете утверждать, что мне подсказывает ходы какое-нибудь шаловливое привидение?

– Бьюсь об заклад, что многие дамы здесь хотели бы стать этим скромным привидением и везде следовать за вами! – кокетливо сказала герцогиня де Полиньяк.

– Как это мило с их стороны! Но я в этом плане предпочёл бы всё-таки что-то более осязаемое, а не призрачное, и при этом гораздо менее скромное, – усмехнулся Базиль и эффектным жестом обрисовал в воздухе нечто похожее на очень женственные формы.

В этот момент одна из хрустальных подвесок, украшавших огромное паникадило, свисавшее с потолка, чтобы осветить ломберный столик, за которым разгорались эти нешуточные страсти, сорвалась и в падении больно ударила Базилья по голове, словно кто-то невидимый намеренно запустил её в маркиза.

– О, Мари! Я же просто пошутил! – возопил Базиль, подняв очи к потолку и потирая шишку, что вызвало смех собравшихся, воспринявших это как непристойное покаяние самой Деве Марии, которую этот наглец посмел не назвать Святой.

Им и в голову не могло прийти другое объяснение случившегося: слишком уж необычным оно было.

– По поводу привидения не знаю, а вот первое утверждение о тузах в рукаве легко проверить! – не разделяя восторгов де Полиньяк и веселья толпы, мстительно заметил герцог

де Лозен.

– А мы и проверим! – весело сказала дофина, тоже проигравшая пару тысяч, но совершенно не жалевшая об этом.

Деньги она брала из государственной казны, которая казалась ей бездонной, к тому же в игре было так приятно как бы невзначай коснуться пальцев Базиля и ощущать рядом тепло его тела. Мария-Антуанетта, хитро улыбаясь, подмигнула де Полиньяк и принцессе де Ламбель, бросившихся тотчас исполнять её указание.

Базиль не возражал. Он поднялся с кресла и позволил подругам дофины под общие охи и вздохи снять с него кафтан и камзол и даже слегка приподнял сорочку, продемонстрировав кубики пресса и некоторую волосатость на животе, а потом закатал рукава. Тузов нигде не оказалось (ну разве что форма каждой из четырёх родинок на животе у Базиля напоминала пиковую масть, но и тут туз был ни при чём, потому что такое количество очков наблюдалось в карточных играх только у короля). После всего этого герцог де Лозен вынужден был принести извинения, и игра продолжилась.

В этот вечер всё прошло как обычно: маркиз де Монбельяр выиграл баснословные деньги, а потом галантно вернул часть из них игравшим с ним дамам, попросив взамен только соблазнительные мушки, которые те носили на груди в знак особой страсти к кому-то, чьё имя можно было уже легко угадать. Эта причуда маркиза приводила дам в восторг и совершенно не вызывала никаких подозрений, кавалеры же,

естественно, были недовольны успехами соперника, но тоже не обращали внимания на его странности.

Было уже глубоко за полночь, когда наёмники одного из аристократов, чей кошелёк существенно пострадал от тупости хозяина и усилий Базиля, выследили маркиза в одном из кварталов Парижа. Нападение было коварным и молниеносным. Лезвие нашло свою цель, вонзившись в мягкую плоть, но вскоре выяснилось, что не в ту, которая ожидалась: окровавленным на мостовой остался лежать тот самый обиженный аристократ, а не Базиль. Наверное, этот несчастный зачем-то вышел из своего укрытия и был ошибочно принят головорезами за наглеца маркиза.

– Тысяча чертей! Как это могло случиться?! – воскликнул командир наёмников и отправился искать Базиля, но в тёмном переулке никого не оказалось, только в подворотне мелькнуло что-то серое и лохматое, да мерцающий синеватый дымок струился неподалёку, напоминая зыбкий женский силуэт.

Наёмники, собравшиеся обчистить своего умирающего нанимателя, бросились врассыпную, когда услышали странный приближающийся стук. Он отдавался у каждого внутри – тихий, но страшный до одури, будто стучали прямо в сердце, парализуя всё тело нахлынувшей жутью. Когда наёмники удалились, к их истекающему кровью несчастному нанимателю подошли двое: один – неизвестный в длинном чёрном плаще с глубоким капюшоном, скрывающим лицо, а

другой – мрачный молодой человек в богатом чёрно-фиолетовом кафтане, расшитом узорами из драгоценных камней и мелких костей. У второго была изящная длинная трость с рукоятью в виде головы волка (эта трость и издавала жуткий стук) и монокль с красным стеклом, делавший взгляд его серых глаз (особенно левого) каким-то пугающе смертоносным. Молодой человек взглянул на карманные часы с тремя циферблатами и произнёс тихо и веско, как приговор:

– Его время пришло! Приступайте, Амбруз!

Обладатель чёрного капюшона склонился над несчастным аристократом, аккуратно сняв с его руки фамильный перстень, после чего сероглазый франт коснулся своей тростью груди умирающего, и тот испустил дух.

– Ну что, опять не обошлось без Базиля? – спросил сероглазый у прятавшегося под плащом напарника.

– Да, я видел его образ в воспоминаниях этого господина, – свистящим замогильным шёпотом произнёс тот, кого называли Амбрузом. – С ним была связана боль, которую я отнял, чтобы облегчить его последний миг.

– Надеюсь, не Базиль повинен в смерти этого несчастного? – спросил сероглазый.

– Нет, Федерик. – Покачивание головой едва ощущалось под складками чёрного капюшона.

– Хорошо! Значит, за ним не числится ничего ужасного, – пробормотал сероглазый, напряжённо вглядываясь в темноту.

– Кстати, здесь он известен как маркиз де Монбельяр, – заметил Амбруаз.

Налетевший порыв ветра словно сорвал с него плащ, развеявшийся в воздухе, как дым, а под плащом оказалась пустота.

– Сейчас мы посмотрим, какой из него получился маркиз! – сказал сероглазый, которого, судя по всему, нисколько не удивили подобные метаморфозы, и добавил, возвысив голос: – Ну, маркиз-кис-кис-кис, выходи! Я знаю, что ты здесь, и тебе не скрыться!

Ответа не последовало, и тогда сероглазый сделал взмах тростью, направленный на крышу окрестного здания. Этот трюк пришлось проделать несколько раз, прежде чем невидимое магическое лассо наконец заарканило крупного серого кота, но тот так крепко вцепился когтями в крышу, что оторвать его не было никакой возможности.

– А вот и его подельница! – сказал в это время Амбруаз, вырастая из-под земли рядом со своим напарником.

Силой его магии в воздухе воспарил прозрачный шар с миловидной призрачной девушкой, заключенной внутри, словно в клетке.

– Ладно, не будем тянуть кота за хвост! – неожиданно заявил кот, ослабив хватку, и рухнул вниз, трансформируясь в полёте в уже знакомого всем щёголя в сером кафтане, правда, теперь у него из лохматой шевелюры торчали очаровательные кошачьи уши.

– Моё почтение вам, Ваше Умертвие месье Федерик, и вам, господин Амбруаз! – Базиль раскланялся, но не спешил подходить ближе. – Чем могу служить некроманту и старьёвщику Противоположности Жизни?

– И вы ещё спрашиваете, маркиз?! – едва сдерживая улыбку, начал Федерик. – Вы же...

– А вам не кажется, что здесь не место для подобных бесед?! – свистящим шёпотом заметил Амбруаз, воспрепятствовав таким образом неосторожным речам своего спутника. – Этот сектор Парижа кишит разным сбродом с той и с этой стороны. Много лишних ушей и глаз!

С ним нельзя было не согласиться: старьёвщики ощущали мир неизмеримо полнее и многограннее, чем любые другие сущности, ведь они были духами, которых сама Противоположность Жизни отправила в миры, чтобы они помогали некромантам в исполнении их миссии и заодно следили за происходящим. Амбруаз не был самым могущественным из старьёвщиков, но самым осторожным мог прослыть точно.

– Ты прав, – кивнул Федерик.

Противоположность Жизни приняла его на работу лет семьдесят назад, видимо, желая увеличить количество проводников своей воли, провожающих души тех, чьё время пришло. По меркам некромантов, некоторым из которых миновала уже не одна сотня лет, Федерик был совсем зелёным юнцом, чьё сердце ещё не охладело к прелестям и соблазнам жизни, как это неизменно случалось почти с каждым

слугой её противоположности. И это не охладевшее сердце представляло большую опасность прежде всего для самого Федерика, да и для окружающих тоже: похоже, именно благодаря ему молодой некромант ввязывался в разные опасные авантюры.

Эта встреча с Базилем – признанным мастером всяческих авантур – тоже не была исключением. Вскоре все четверо, включая призрачную девушку, заключённую в магический шар, прибыли в таверну «Серебряная башня», издавна считающуюся защищённой, нейтральной зоной по ту и по эту стороны. Публика в ней тусовалась сплошь приличная (иногда заходили даже представители высшей знати по ту и по эту сторону), блюда готовили отменные, а ещё, что особенно ценно, в здании таверны находились тайные комнаты с магической защитой, где можно было спокойно поговорить. Одну из таких и снял шевалье Федерик. Словечком «шевалье» во Франции обозначали младшие дворянские титулы, а у некромантов потустороннего Парижа так называли особ мужского пола, недавно поступивших на службу к Противоположности Жизни.

– Здесь относительно безопасно, – бесстрастно констатировал Амбруаз, наглухо затворив ставни на окнах, из которых открывался исключительный вид на Собор Парижской Богоматери. – Говорить можно, но всё-таки следите за словами, а я выйду, осмотрюсь.

После этого он отпустил шар с девушкой, позволив этой

летающей тюрьме зависнуть под потолком, а сам проделал уже известный трюк с плащом и скрылся, пройдя через стену.

– Ну наконец-то твой мр-р-р-р-ачный воспитатель отлучился, и мы можем спокойно поговорить! – промурлыкал Базиль, развеяв магию шара молниеносным режущим ударом восхитительно острых серебристых когтей.

– Он мне не воспитатель! – обиженно проворчал Федерик, сверкнув молнией взгляда через алое стекло моногля, но досада молодого некроманта тут же улетучилась, когда перед ним возник зыбкий призрачный девичий силуэт.

Эта девушка при жизни была очень красива, и теперь в призрачном состоянии её облик не утратил привлекательности, исполнившись какого-то потустороннего изящества.

– Мари Туше! – представил её Базиль. – В прошлом – возлюбленная Карла IX Валуа, ну и моя... давняя знакомая!

– Срок её пребывания в Мире Живых давно истёк! – заметил Федерик, мельком взглянув на циферблаты своих часов, где отображалось время, отведённое каждому живому и не очень живому существу. – И твой тоже, кстати! Пора возвращаться, у тебя и так проблемы с законом.

– Это у закона проблемы со мной! – осклабился Базиль, сверкнув жёлтыми глазами.

– Я не смогу долго скрывать твоё пребывание здесь, поэтому сегодня ты и твоя спутница совершите переход вместе со мной, – строго сказал Федерик, но его строгость вызвала

только саркастический смех Базиля.

– А как же Мау-рия-Антуанетта?! – промурлыкал он, хитро прищуриваясь.

Это замечание заставило Федерика слегка покраснеть и потупить взор, а лже-маркиз де Монбельяр изящным и покошачьи мягким жестом иллюзиониста выхватил, будто из воздуха, сложенный вчетверо и пахнувший духами лист бумаги, протянул его некроманту и картинно отвернулся, чтобы позволить шевалье прочитать тайное послание без свидетелей. На самом деле Базиль прочитал его первым, потому что дело, ради которого он нарушал все законы, рискуя попасть в немилость по ту и по эту стороны, было важнее, чем некоторые правила.

– Хорошо, – сказал Федерик, с трудом сдерживая волнение, не отрывая взгляда от старательно выведенных строчек и уже предвкушая свидание, – Отложим переход ещё ненадолго.

– Так мы с мадемуазель Туше можем удалиться? – вкрадчиво спросил Базиль.

Дождаться ответа он не стал, да его в скором времени и не последовало бы, потому что шевалье был очень увлечён чтением. Вскоре оборотень и призрак уже двигались к чёрному ходу, который был в наличии в любой таверне.

– В чём дело?! Почему мы не вышли через главный вход? – недовольно ворчала призрачная девушка, тараня старые шкафы для посуды полупрозрачной головой и пролетая

насквозь, на что тарелки и фужеры отвечали возмущённым звоном.

– Тише! Ты, верно, повредила голову, прошибая стены? – совсем по-кошачьи зашипел на неё Базиль. – Мы не вышли, потому что через главный вход только что сюда вошёл тот, кто наложил на меня проклятие! Я его чувствую! Встречаться с ним снова я совсем не хочу!

Мари пролетела сквозь ещё один шкаф и предстала перед своим спутником с миской на голове, словно та собиралась заменить ей шляпу: среди посуды тоже встречались призраки-нелегалы. В это время из обеденного зала донёсся мужской голос чертовски приятного, но крайне мрачного тембра:

– Заблокировать все входы и выходы и обыскать здесь всё!

– О, Боже! – тихо пискнула Мари Туше, и её волосы встали дыбом во всю длину от страха, а миска-призрак покрылась мурашками, став похожей на дуршлаг.

– Туда! – прошипел Базиль, метнувшись в чулан, и вовремя: он и Мари как раз успели скрыться, когда дверь чёрного хода распахнулась, пропуская внутрь несколько странных существей.

Они выглядели, как люди, но Базиль не слышал биений их сердец и дыхания, да и движения у них были слишком плавными и текучими.

– Фантомы-ищейки! – прошептала Мари Туше. – Терпеть их не могу! Что будем делать?

Базиль уже шарил по карманам и вскоре выудил оттуда одну из своих знаменитых табакерок.

– Но ведь это же для повстанцев! – почти беззвучно возмутилась Мари Туше, разгадав его замысел.

– От них не убудет! – сказал Базиль и, прошептав загадочное «*spigo*» на латыни, открыл крышку, из-под которой уже струился лёгкий синеватый дымок.

Стоило его завихрениям коснуться призрачных форм Мари Туше, как её облик мгновенно преобразился, обретая плотность и объём, характерный для человеческого тела. Дело в том, что в свои табакерки Базиль собирал взволнованные дыхания. В среде скупающих аристократов они были наиболее насыщенными и ценились гораздо выше, чем прерывистые вздохи бедноты.

– О! Как это прекрасно! – завороченно прошептала Мари.

За это можно было бороться и жертвовать чем угодно, но Базиль не разделял её восторгов. Он уже успел извлечь из своего тайного хранилища небольшую шкатулочку, в которой хранил подаренные ему дамами мушки. Эти маленькие кусочки бархата было модно приклеивать на грудь и лицо, чтобы скрыть дефекты кожи или подать тайный знак своему кавалеру. Щедро выбрав наиболее крупную среди них, ту самую, что подарила сама Мария-Антуанетта, Базиль ловко, как признанный умелец, приклеил её к пышной груди своей спутницы, прошептав на латыни «*pulsatio*», и Мари ощутила, что у неё будто забилося сердце. Биения, которые та-

ким нетривиальным образом собирал Базиль, тоже были в цене. В следующий миг дверь в кладовку распахнулась, пропуская фантомов, взорам которых открылась такая картина: миловидная белокурая и большеглазая девица в платье с шикарным декольте и белом переднике складывала продукты в корзину.

– Здравствуйте, месье! – очаровательно улыбнулась она. – Кого-то ищете? Хозяин заведения, мэтр Жаккар, в зале. Проводить вас к нему?

Ищейки некоторое время внимательно разглядывали её, напряжённо прислушиваясь, а потом потеряли интерес, видимо, услышав дыхание и биение, и плавно вытекли за дверь. Ещё через несколько мгновений Мари уже бежала по набережной де ла Турнель, оставив далеко позади таверну «Серебряная Башня». Миновав мост, она успокоилась, только затерявшись среди прохожих в квартале Сен-Жермен-де-Пре. Телесность помимо потрясающего ощущения живости и полноты чувств приносила ещё и усталость. Мари позволила себе расслабиться, только зайдя в церковь. Усевшись на неприметной скамейке в глубине храма, она открыла корзину и взволнованно взглянула внутрь. Но, как выяснилось, для волнения не было причин: Базиль в облике кота встретил её радостным мурлыканьем. Судя по всему, пока Мари в ужасе бежала по Парижу, оборотень преспокойно уплетал колбасу и ветчину, которые она положила в корзину, и теперь пребывал в самом замечательном расположении духа.

– Я чуть с ума не сошла от страха, а он тут ест! – возмутилась Мари.

– А что мне ещё было делать?! – спросил серый кот и, изловчившись, почесал лапой за ухом. – Ты сама наложила в корзину столько мяу-са, что я не смог справиться с искушением! Тут и святой от одного запаха нарушил бы все заповеди, что же говорить про меня?!

Мари Туше вздохнула, отчего её грудь всколыхнулась призывной манящей волной. После ритуала псевдооживления она начала ощущать запахи, и сейчас они казались ей нестерпимо более яркими и пронзительными, чем при жизни: ладан и ветчина... Что ж, Базиля можно понять. Каждый, кто хотя раз побывал на той стороне, не мог оставаться прежним даже после возрождения в новом теле: жажда жить любой ценой преобладала над всеми иными желаниями. Мари уже не сердилась на своего напарника. Вопреки всем домыслам они не были любовниками, хотя Базиль имел огромный и постоянно пополняемый «послужной список» в этом вопросе.

Очень многие отвергнутые им дамы даже желали ему зла в виде рокового чувства к опасной и жестокой женщине, с которой он хлебнёт много горя и бед. Судя по количеству таких пожеланий, кара в виде Мадам Зло должна была вот-вот свалиться на лохматую сумасбродную голову Базиля, но Мари считала, что даже самая жестокая женщина не сможет причинить вред этому милому коту, да ещё и превращаю-

щемуся в эффектного молодого мужчину.

К Мари Базиль относился, как к младшей сестре, видимо, потому, что они познакомились, когда ей было всего шесть лет, а оборотень уже разменял третью сотню. В то время он спас её от нападения разбойников и снискал искреннюю дружескую привязанность. Сама мадемуазель Туше до сих пор хранила верность своему Карлу, который когда-то был королём для всех французов и возлюбленным для неё. Собственно, из-за любви к нему она и попала в число повстанцев, где снова встретилась с Базилем, и они начали работать вместе. Нелегальные перемещения в мир живых с целью добывания дыханий и биений, которые были валютой в потустороннем Париже, и золота, ценившегося по ту и по эту стороны, сначала пугали мадемуазель Туше, но рядом с Базилем все страхи отступали.

– Что теперь будем делать? – спросила Мари, вспомнив о цели их пребывания по эту сторону. – Надо же переправить дыхания, биения и золото, но вдруг нас уже ищут?! У меня душа болит!

– Значит, как обычно, пойдём к Аптекарю, лечиться, – весело промурлыкал Базиль. – Мне тоже не мешает шкалик валерианы для успокоения.

Под кличкой «Аптекарь» в рядах повстанцев потустороннего Парижа был известен вполне живой человек по имени Луи-Клод Каде де Гассикур. Всё держалось в строжайшей тайне, поэтому никто не подозревал о наличии потусто-

ронных связей у известного химика и члена Академии Наук. Он держал аптеку на улице Сент-Оноре 115. Это заведение пользовалось большим успехом, привлекая самых богатых клиентов, потому что кроме лекарств аптекарь умел изготавливать яды и противоядия, косметические средства и даже невидимые чернила для тайных любовных и политических посланий. Повстанцы платили ему звонкой монетой, да ещё предлагали интересный материал для изучения, поэтому месье Гассикур с удовольствием предоставлял убежище призракам и оборотням-нелегалам и при этом не совал нос в их дела.

– О, мадемуазель! – прошептал он, когда Мари летящей походкой отживевшего призрака шагнула под резную позолоченную вывеску и распахнула входную дверь. – Вы обрели такую неожиданную весомость, что, разумеется, только подчёркивает вашу безупречную красоту!

– Это Базиль у нас приобрёл неожиданную весомость! – с улыбкой возразила мадемуазель Туше, поставив на стол корзину с котом, доедающим остатками колбасы.

Руки её ныли от непривычной для призрака физической нагрузки, но даже это страшно нравилось Мари, ощущавшей себя потрясающе живой.

– Добрый день, Луи! – сказал Базиль, с невыразимой кошачьей грацией выпрыгивая из корзины и в полёте принимая человеческий облик. – Не найдётся ли у вас лекарства от душевных терзаний?

Месье Гассикур помчался за настойкой валерьяны, а Базиль и Мари отправились в хранилище, где среди стеллажей с готовыми микстурами, порошками и притираниями их ждал отдельный шкаф со скрытыми замками и хитроумными тайниками, куда складировались многочисленные шкапки с мушками, табакерки и золото.

– Думаешь, этого хватит? – с сомнением спросила Мари, разглядывая ряды добытой ими валюты.

– Думаю, да! Это последняя партия. С её помощью мы сможем подкупить стражей, чтобы открыть тюрьмы, и увеличим силы армии повстанцев, – сказал Базиль.

– И освободим Карла! – мечтательно добавила Мари.

– Его – в первую очередь! – улыбнулся Базиль. – Уже представляю, как захожу в камеру и говорю: «У нас революция, а революция – это свобода. Свобода, Карл!»

В это время в таверне «Серебряная Башня» тоже шла беседа, правда, не такая восторженная, как в аптеке.

– Шевалье Федерик, вы заставляете меня применять к вам неприятные для меня жёсткие меры! – холодно улыбаясь, говорил тот самый обладатель мрачного тембра, с которым не пожелал встречаться Базиль.

Этого мужчину звали Люрор де Куку, и из всех кратких характеристик, данных ему когда-либо самыми разными людьми, наиболее точной можно было считать замечание Сирано де Бержерака, гласившее: «Аристократ, эстет и

франт, а если кратко – некромант!».

Правда, он был не просто рядовым некромантом, а бес-
сменным первым советником Хозяина Потустороннего мира
вот уже без малого пять сотен лет.

– Я чист перед законом, месье Куку, и находился здесь,
выполняя свой долг! – сказал Федерик, не смея встретить
тяжёлый и насмешливый взгляд бледных глаз первого совет-
ника, направленный на него поверх разноцветного пенсне,
низко сидящего на длинном носу.

– Это несложно проверить, – сказал Люрор, слегка посту-
кивая тростью об пол.

Этот жест содержал в себе скрытую угрозу, потому что
трость некроманта была грозным боевым оружием, которым
первый советник владел виртуозно.

– Вы подвергнете пыткам своего собрата? – спросил Фе-
дерик, стараясь держаться с таким же холодным спокойстви-
ем, как и его собеседник, но это ему плохо удавалось.

Дознанием в потустороннем мире занималось Пыточное
Следствие, возглавляемое безжалостной и прекрасной Кло-
диной де Нозиф. Поговаривали, что не так давно она со скан-
далом рассталась с Люрором де Куку и сейчас пребывала в
крайне мрачном расположении духа. Попасться такой под
горячую руку – вот самое страшное испытание!

– В пытках нет необходимости! – прозвучал совсем рядом
голос кого-то невидимого, а затем рядом с первым советни-
ком материализовался его старьёвщик по имени Нуар Тун-

Тун. По франтоватости и мрачности он мог бы соперничать со своим напарником, но вот его головной убор явно был вне конкуренции: в этом столетии вопреки моде на треуголки он носил огромную чёрную шляпу, украшенную жёлтым шёлком и чёрным плюмажем.

Следом за ним появились фантомы, один из которых почтительно преподнёс Люрору де Куку нечто круглое, выпуклое и в мелких пупырышках, напоминавшее миску, покрытую мурашками или испуганный дуршлаг без ручки.

Эта сущность дрожала от страха, отчего её образ покрывался рябью и терял чёткие очертания. Люрор де Куку молча передал испуганного призрака старьёвщику. Такие экземпляры возникали, вбирая в себя часть души своего хозяина или того, кто был убит или испытывал страдания, или иные яркие эмоции в непосредственной близости от них. Нуар Тун-Тун эффектным жестом иллюзиониста погрузил миску в свою бездонную шляпу и, выждав несколько секунд, достал обратно, чтобы с довольной ухмылкой показать Люрору де Куку: так он извлекал воспоминания. За несколько веков работы у каждого старьёвщика собиралась приличная коллекция обрывков чужой памяти. В основном это были мгновения печали, боли, страданий, но иногда подручные Противоположности Жизни забирали и приятные воспоминания, если те их заинтересовали, как могут заинтересовать яркие игрушки, потому что духи-подручные Противоположности Жизни любили увлекательные игры.

Призраки неодушевленных предметов иногда сохраняли облик тех, кто коснулся их своими яркими эмоциями. На этот раз всё было именно так, поэтому на дне миски по очереди отразились сначала призрачная дама, чудесным образом обретающая плотность и формы, и шустрый молодой мужчина, чью буйную пепельную шевелюру украшали кошачьи уши. Люрор де Куку выразительно приподнял правую бровь и испытующе взглянул на своего молодого коллегу по цеху.

Судя по выражению лица Федерика, шевалье собирался умереть, но не выдать тайну, и это было очень забавно, потому что среди всех остальных некромантов вряд ли можно было найти такое горячее сердце, как у этого начинающего проводника воли Противоположности Жизни, но самым большим его недостатком была всё-таки не в меру горячая голова. А ведь всем известно, что мёртвым душам и холодным сердцам легче достигать желаемого – непреложная истина по ту и по эту стороны. Люрор хорошо знал это, хотя сам и не обладал ни тем, ни другим из вышеозначенного списка: его козырем был холодный рассудок, позволявший просчитывать ситуации на много ходов вперёд. Базиль – а в миске отражался именно этот пройдоха – с давних пор интересовал первого советника как участник его далеко идущих планов и просто как наиинтереснейший экземпляр среди созданных им оборотней.

– Прикажете обыскать? – подобострастно кланяясь, спро-

силы фантомы, готовые исследовать каждую нитку дорогого кафтана Федерика и каждый миллиметр занимаемых некромантом покоев.

– Незачем, – спокойно сказал в ответ Люрор, а потом добавил, указав на камин: – Соберите пепел, я уверен, что шевалье сжѐг все послания, если они были.

Это замечание заставило Федерика занервничать, только подтверждая предположения первого советника. Люрор де Куку, хорошо знавший Базиля, был уверен в том, что оборотень, прославивший ловким воров и похитителем дамских сердец, использует молодого некроманта, так и не сумевшего поднатореть в плетении интриг, а Федерик, судя по всему, даже не подозревал об этом. Вот только для чего все эти ухищрения, и самое главное – как это повернуть в свою пользу?

– Обыск не санкционирован, как и изъятие пепла! – запальчиво возразил Федерик. – Если вы немедленно не покинете это место, я ... я собираюсь сообщить обо всѐм Хозяину Потустороннего мира!

С усмешкой слушая его, Люрор де Куку изящным жестом извлѐк из кармана платок цвета крови, ссыпал туда пепел, собранный фантомами, и не спеша направился к выходу в сопровождении старьѐвщика, почтительно державшегося на шаг позади. Фантомы вытекли сквозь стены, не дожидаясь приказа первого советника.

Базиль даже не предполагал, что из-за него разгораятся такие страсти, причём не в обществе милых дам, а среди самых опасных магов по ту и по эту сторону – некромантов. После подсчёта табакерок, шкатулок и слитков он изволил выкушать настойку валерианы и теперь возлежал в кресле в расслабленной позе, лениво наблюдая за тем, как аптекарь показывает Мари разные косметические средства, каких ещё не придумали в её время, одновременно ведя непринуждённую беседу.

– Так вы говорите, что все, чьи пенсне или лорнеты имеют разноцветные стёкла, и есть некроманты? У них, что же, прогрессирует слепота? – поинтересовался месье Гассикур, у которого в голове уже разворачивались бизнес-планы по выходу на новый рынок продажи оптики.

– Да, они вообще все с диагнозом! – со знанием дела заявил Базиль, весело взглянув на аптекаря, ухватившегося за перо, чтобы конспектировать за оборотнем.

– И какой диагноз? Ну слепота – это понятно, наверное, ещё и сердечная недостаточность при такой вредной работе? – продолжал выпрашивать Гассикур.

– Скорее уж недостаточность сердечности, – уточнил Базиль, – и не просто слепота, а слепота духовная!

– Всё шутите! – наконец догадался аптекарь и с сожалением отложил перо.

Но Базиль почти не шутил: каждый оборотень, призрак, скелет или иная субстанция всячески избегал встреч с теми,

кто носил пенсне, монокль или лорнет с цветными стёклами, потому что ничего хорошего эти встречи принести не могли даже тем, кто строго соблюдал законы. Некроманты задумывались Противоположностью Жизни как помощники, организующие переход душ туда и обратно, но между задуманным и реализованным со временем разверзлась непреодолимая пропасть, потому что власть, которую они обрели, не могла не наложить свой отпечаток на их отношение к живым и мёртвым.

– У вас такой испуганный вид, мадемуазель Туше! – удивлённо сказал аптекарь, взглянув на Мари, которая внезапно побледнела, став почти прозрачной (эффект псевдооживления постепенно утрачивал силу). – Кого вы так боитесь?!

– Миски... – прошептала Мари, выразительно взглянув на Базиля.

– Миски все в Англии, а до неё далеко, так что бояться нечего, у нас одни мадемуазели! – осклабился Базиль, желая успокоить свою напарницу, но в душе у него тоже заворочался червь сомнений.

Он только сейчас вспомнил о посудном призраке, которого они впопыхах оставили в таверне. Конечно, такие примитивные сущности не могли ничего рассказать в буквальном смысле этого слова, ибо были лишены разума и речи, но самым могущественным старьёвщикам было под силу считать и интерпретировать их воспоминания. Нуар Тун-Тун как раз относился к этой категории, а, значит, нелегальное пребыва-

ние Базиля и Мари могло быть раскрыто.

В этот момент звон дверных колокольчиков, показавшийся мадемуазель Туше громом среди ясного неба, возвестил о приходе нового посетителя, и это несмотря на то, что дверь была заперта и на ней красовалась вывеска: «ЗАКРЫТО».

– Кто это?! – в панике прошептала Мари Туше, пытаясь испариться, как это делали в сложных ситуациях все призраки. Но в её случае полного испарения не случилось, поэтому можно было наблюдать такую картину: по комнате, хлопая длинными ресницами, беспорядочно метался один красивый глаз и плавал вздымающийся, как девятый вал, пышный бюст с наклеенной мушкой. Таким непредсказуемым образом проявлял себя остаточный эффект псевдооживления, и, как сказал бы физик, субстанция местами пребывала в твёрдом состоянии, не желая переходить в газообразное.

Базиль, мгновенно преобразовавшись в упитанного серого кота, улучил момент и сиганул на свою напарницу, в прыжке сшибая лапой мушку с её груди. После этого Мари наконец обрела невидимость, скрывшись в тёмном углу. Её выдавала только едва заметная рябь пространства, возникавшая от духовной дрожи.

Месье Гассикур не видел всего этого безобразия, так как бросился встречать незваного гостя, на всякий случай, вооружившись сулемой – ядовитым порошком хлористой ртути, замаскированной под обычную нюхательную соль, хранившуюся в неприметном серебряном флаконе.

Он вышел к прилавку, стараясь сохранять невозмутимый вид, и замер, увидев неожиданного посетителя. Точнее, это была посетительница, чья внешность возымела на аптекаря эффект взорвавшейся смеси красного фосфора с бертолетовой солью. Вопреки всем канонам стиля рококо, диктующим преобладание пастельных тонов в одежде, незнакомка предпочитала тёмные оттенки.

Восхитительное платье насыщенного фиолетового цвета, дополненное изысканными чёрными кружевами, украшавшими роскошные манжеты, лиф и подол, было настоящим произведением искусства, подчёркивающим достоинства фигуры этой дамы. Сначала она производила впечатление хрупкой статуэтки, поражая воображение тонкостью талии, изяществом и манящими очертаниями, невыразимой красотой точёных рук и шеи. Гассикуру уже не терпелось увидеть её лицо, но незнакомка, не оборачиваясь, стояла к нему спиной, рассматривая что-то на стеллажах и слегка поигрывая сложенным веером.

– Я чем-то могу помочь вам, мадам? – решился наконец нарушить молчание месье Гассикур.

– Мадемуазель! – холодно и надменно прозвучало в ответ.

О, этот голос, вонзавшийся в мозг и в сердце, словно стилет! Незнакомка соизволила повернуться, совершенно покори́в сердце аптекаря. Её лицо покрывала густая чёрная вуаль, крепившаяся к элегантной шляпе с высокой тульей, но сквозь неё можно было рассмотреть чёрные блестящие глаза

и кроваво-алые губы.

– О! Простите! – пробормотал аптекарь, снова окинув её взглядом.

И вдруг одна маленькая деталь заставила его вздрогнуть: тонкое запястье незнакомки украшал массивный золотой браслет, к которому на тонкой цепочке крепился элегантный лорнет с разноцветными стёклами. «Некромант... Некро... мантесса... Некро... мантиха...», – вихрем пронеслось в голове аптекаря.

– Ч... че-чем могу служить, мадемуазель? – запинаясь от страха, желания и осознания неожиданной удачи пробормотал Гассикур после долгой паузы.

– Мне нужны ингредиенты вот из этого списка! – сказала незнакомка, с царственной небрежностью бросив на прилавок свиток с указанием нужных ей веществ и увесистый кошелёк с золотыми монетами.

– Конечно, мадемуазель! – прошептал месье Гассикур. – Я соберу для вас всё нужное, а пока не изволите ли присесть? Может быть, кофе или бокал вина?

– Поторопитесь! – холодно сказала дама под вуалью и направилась к креслу, в результате чего стала заметна её лёгкая хромота.

Как ни странно, эта особенность не отталкивала, а только добавляла ей рокового шарма. Базиль, в целях маскировки в прямом смысле этого слова затаившийся в подполье, наблюдал эту сцену сквозь щели между половицами, поэтому ре-

альность виделась ему под совсем иным углом, и этот угол обзора иногда нравился ему больше, чем все иные виды. Он успел оценить ноги незнакомки и соблазнительный шелест её кружевных юбок.

В его коллекции покорённых женских сердец некромантские органы кровеносной системы были в остром дефиците: Базилю просто не приходилось близко общаться с женщинами такого типа, чтобы лично опровергнуть бытующее мнение о том, что все некро...мантки ...мантессы (или ...мантихи?) бессердечны и холодны.

Поэтому сейчас его будоражила идея явить свой кошачий образ и нагло представиться этой даме, от которой веяло смертоносной привлекательностью могущественной стихии, но здравый смысл всё-таки одержал верх над животными инстинктами, хотя у большинства оборотней, созданных проклятием некромантов, они превалировали над всем остальным. Впрочем, торжеству здравого смысла часто помогала Мари Туше. Вот и сейчас она бесцеремонно дёрнула Базилia за хвост, запуская механизм пробуждения совести.

Дама под вуалью, кажется, тоже ощущала какое-то странное волнение, несколько раз подозрительно глянув под ноги, но, видимо, дело, которое привело её в аптеку, было слишком важным и не позволило отвлекаться на посторонних существей, которыми кишмя кишел Париж по ту и по эту стороны.

– Вот ваш заказ, мадемуазель! – сказал месье Гассикур,

Кто бы мог подумать, что похожая горстка пепла некоторое время назад была окружена самым пристальным вниманием первого советника Потустороннего Мира?

ГЛАВА II. Не буди во мне зверя!

Люрор де Куку с маниакальной сосредоточенностью разглядывал пепел, казавшийся сквозь стёкла пенсне некроманта ало-фиолетовым. Вооружившись тонким медицинским пинцетом, первый советник Хозяина Потустороннего мира вот уже несколько минут осторожно и кропотливо удалял изящными и точными движениями частички пепла, которые, на взгляд обычного человека, были, как говорится, на одно лицо, то есть на одну золу, но некроманты обычно оказывались куда дальновиднее (или глазастее?), чем простые смертные. Когда ненужные, по мнению Люрора де Куку, частицы пепла были аккуратно собраны и отложены в сторону, некромант приступил к следующей части ритуала.

Нуар Тун-Тун, расположившись в кресле напротив, с интересом наблюдал, как вспыхивают холодным пламенем зрачки его напарника, а пенсне концентрирует это свечение в тонкие нестерпимо яркие лучи. Стоило им коснуться пепла, как частицы стали медленно притягиваться друг к другу, формируя нечто невообразимое.

Когда свечение исчезло, на столе остался свёрнутый вчетверо лист бумаги: воскрешать к жизни то, что рассыпалось в прах, когда-то было одним из ценных умений некромантов, но со временем это искусство созидания было по некоторым причинам утрачено, уступив первенство разрушительной со-

ставляющей дара некромантов – умению отнимать жизнь. Сейчас восстановить из праха они могли только неодушевлённые предметы, правда, за такую филигранную работу, как нынешний трюк, мог взяться разве что Люрор де Куку, да, может быть, сам Хозяин Потустороннего мира. Довольный собой, первый советник развернул записку и пробежал глазами послание.

«Дорогой Ханс! – гласило оно. – Сегодня в полночь я буду ждать вас в саду у нашего фонтана!»

Дальше следовала красиво выведенная подпись дофины Франции: *«Marie-Antoinette»*, подчёркнутая изогнутой линией, а ниже красовалась приписка следующего содержания:

«Не забудь захватить необходимые принадлежности:

- 1. Колыбель – 1 шт.*
- 2. Саженец дуба – 1 шт.*
- 3. Кирпич – 118 шт. »*

Прочитав это странное послание, написанное двумя видами абсолютно разных почерков, от явно женского убористого и округлого до небрежно размашистого предположительно мужского, Люрор де Куку позволил себе улыбку, которую все очевидцы уже давно окрестили «дьявольской», потому что обычно она предвещала хитрое плетение интриг. За улыбкой последовал сдержанный смех, к которому присоединилось и тихое хихиканье старьёвщика. Его тёмные глаза без радужек и зрачков видели даже сквозь стены – что уж говорить о восстановленном из пепла листе бумаги.

– Судя по впечатляющему набору принадлежностей, ше-валье Федерик этой ночью собирается досрочно выполнить три главные заповеди мужчины: вырастить сына, посадить дерево и построить дом! – иронично заметил Люрор де Куку, подмигивая старьёвщику.

– Думается мне, что всё не так ужасно! – усмехнулся в ответ Нуар Тун-Тун. – Ведь последнюю запись явно сделала не эта смертная. Ты просто не слишком хорошо удалил лишний пепел. Кстати, нужно быть тыквой, чтобы надеяться при строительстве дома обойтись только ста восемнадцатью кирпичами. Это чья-то шутка.

Люрор кивнул. Он мог бы побиться об заклад с кем угодно, что знает, чья когтистая лапа начертала приписку внизу послания.

– Лучше скажи, с каких это пор Федерик стал Хансом? – спросил Нуар Тун-Тун.

При большом желании старьёвщик мог бы и сам докопаться до истины, но ему было лень это делать.

– Очень просто: он приходит к Марии-Антуанетте под именем Ханс Аксель фон Ферзен, – невозмутимо сообщил Люрор де Куку. – Именно так зовут её любовника, как докладывали мне соглядатаи, только я не предполагал, кто скрывается под этой маской.

Эта история с дофиной интересовала его только потому, что с нею был связан Базиль, участие же в этом ещё и Федерика только усиливало эффект и подозрения Люрора в пла-

не причастности оборотня к каким-то крупным делам, а не просто к лёгким махинациям и по-кошачьи частым влюблённостям. Здесь было что-то нечисто! Впрочем, на это и надеялся месье Куку.

– Чем же Федерика не устраивает фамилия, данная ему Противоположностью Жизни? – пожал плечами старьевщик. – Де Кадавр – это так пугающе загадочно!

– Вот именно, что пугающе! Думаю, Федерик как раз боится спугнуть своё счастье. Он ведь романтик и всё ещё верит, что его можно обрести, – сказал Люрор де Куку и подошёл к зеркалу, чтобы ещё раз убедиться в своей неотразимости.

Вопреки мнению многих доброжелателей, вампирские замашки не были ему присущи, поэтому неотразимость относилась только к впечатлению, которое Люрор производил на каждого, с кем общался. Он позволил призрачным слугам облачить себя в роскошный чёрный жюстокор (*мужской кафтан в стиле рококо – прим. автора*), щедро расшитый серебром, и собственноручно украсил кружевное жабо белой рубашки массивной брошью с чёрным алмазом, умопомрачительное количество граней которого, видимо, намекало на многогранность натуры его владельца, но большинство лиц, не знакомых с пространственной геометрией, вряд ли могли оценить это качество.

– Ты так готовишься к встрече, словно сам решил очаровать дофину и добавить ещё один трофей к своему гербарию

побед! – усмехнулся старьёвщик.

– Что поделаешь, очарование – сопутствующий эффект моей магической работы! – возразил Люрор, небрежно опираясь на трость с набалдашником в виде черепа. – А навредить к дофине и воспрепятствовать тем самым бездумному рассеиванию силы некросферы в мирах, которое готов этой ночью так опрометчиво совершить Федерик, – моя святая обязанность как первого советника Хозяина Потустороннего мира.

– Да-да, рассказывай... – с усмешкой покачал головой старьёвщик, знавший своего напарника, как никто другой.

Как и следовало ожидать, при такой концентрации некротантов на гектар территории Парижа тщательной подготовкой к свиданию занимался не только Люрор де Куку. Незнакомка, не так давно посетившая аптеку месье де Гассикура, тоже начала приготовления. Она даже не подозревала, что найдётся один отчаянно смелый хвостатый гражданин, решивший проследить за этим действием лично.

Базиль просто не мог упустить такую женщину! Незнакомка, словно специально созданная для того, чтобы воплотить одновременно несгибаемость и хрупкость, бунтарскую сущность и желание покориться, совершенство форм и несовершенство духа, недостижимость и доступность – это был как раз тот ускользающий тип женской натуры, который оказался безумно притягателен для него.

Предвкушение обладания этой женщиной по ощущениям было равноценно балансированию на канате, натянутом над бездонной пропастью, и уже одно это доставляло будоражащее удовольствие. А ведь Базиль не привык останавливаться на полпути, даже если риск был слишком велик! Балансировать на канате между жизнью и смертью, между удовольствием и болью, страхом и восхищением – в этом тоже проявлялась его бунтарская натура и мятущаяся душа.

Обернувшись котом, Базиль выскочил из аптеки и, утащив у цветочницы букетик васильков, сломя голову помчался вдогонку. Люди смеялись, указывая на кота с цветами в зубах, но Базиля не волновала реакция толпы: он охотился, преследовал цель! Оборотень быстро нашёл даму под вуалью, тому способствовало звериное чутьё и перчатки – тот самый подарок от заведения, который вручил незнакомке месяц Гассикур.

Шлейф ароматов магнолии и сандала и примешивавшийся к ним мрачный оттенок чего-то неведомого, вызывавшего всплеск сладкой жутки и приступ неистовой жажды на уровне подсознания, привели Базиля к «Отелю де Санс». Слово «Отель» в данном случае не имело никакого отношения к гостинице: так назывался шикарный особняк на рю де ла Фигье – улице, названной так не оттого, что на ней все поголовно показывали друг другу фиги, а потому, что когда-то перед этим особняком росло роскошное фиговое дерево.

В «Отеле де Санс» в разные годы жили по очереди то ар-

хиепископы Санские, то королева Маргарита из рода Валуа, а теперь в нём остановилась прекрасная незнакомка. Надо сказать, что она любила готическую архитектуру, напоми-навшую ей о временах её юности, и с некоторых пор желала уединения, так что особняк пришёлся ей по душе. Базиль проник внутрь через приоткрытое окно второго этажа и выбрал в качестве укрытия красивое и тёмное старинное зеркало, встроенное в стену.

Оборотень уже бывал в этом особняке во времена королевы Марго и имел доступ в её покои, поэтому ему была хорошо известна особенность этого зеркала: сквозь его поверхность можно было наблюдать за тем, кто находится в покоях, не обнаруживая себя, достаточно протиснуться через потайную дверцу в скрытое зазеркалье. Расчёт был прост: все некроманты были равнодушны к зеркалам, поэтому вряд ли могли предполагать, что от них может исходить угроза.

Как и следовало ожидать, из множества других пустых комнат особняка незнакомка выбрала именно эти покои для своего уединения. Базиль прильнул к стеклу, надеясь на пиршество для глаз в виде обнажённых форм и сладостных изгибов тела этой загадочной и опасной женщины, к которой он присоединялся в постели в своих смелых мечтах, но судьбе было угодно сделать его свидетелем совсем иного зрелища. Незнакомка встала посреди комнаты и сделала эффектный взмах веером из траурных перьев. После этого раздвинутые слугами полотнища штор плотно задёрнулись, погрузив всё

вокруг во мрак.

Базиль стоял за зеркалом, раздираемый желаниями убежать и остаться. Когда ожидание стало болью отдаваться в быстрых ударах возбуждённого сердца, прямо перед его носом (а по ощущениям – в его душе) вдруг вспыхнуло кровавое пламя: это незнакомка зажгла алую свечу. Сейчас она стояла прямо перед ним – дама под вуалью, воплощение смерти и своенравной мечты.

– Ты очень пожалеешь о содеянном! – прошептала дама, заставив Базиля вздрогнуть и ошетиниться.

В её голосе звучала такая дикая необузданная страсть, что у оборотня захватывало дух! Какая женщина! Стихия! Их разделяла лишь тонкая преграда из стекла, а это никогда ещё не служило защитой от гнева некроманта, но тем острее были ощущения!

«Неужели она меня заметила?!» – вихрем пронеслось в голове у Базиля, но незнакомка вдруг развернулась на каблуках и стремительно двинулась в глубину комнаты, где напротив зеркала на стуле стоял чей-то портрет, покрытый куском чёрной материи. Затем она поставила перед портретом чёрную свечу, и колышущееся пламя испустило несколько лёгких струй сизого дыма, который будто опал тленом в стоящий рядом бокал с какой-то жидкостью.

Судя по всему, эта жидкость была микстурой, которую вместе со свечами и продал ей месье Гассикур. Так что же она задумала? Всё смахивало на какой-то жуткий магиче-

ский ритуал, в ходе которого дама под вуалью горячо шептала что-то о снятии защиты, падении и сыпала проклятиями в адрес неведомого героя на портрете. Во время кульминации этого действия послышался осторожный стук в дверь.

– Войдите! – повернув голову на звук, повелительно произнесла дама под вуалью.

Дверь открылась, пропуская в комнату приземистого мужчину совершенно обычной, ничем не примечательной наружности; пожалуй, только глаза выделяли его из толпы – выпуклые, как у рептилий, они смотрели холодно и цепко, будто брали на прицел, а ещё он был очень зубаст: дерзкая улыбка отпетого бандита обнажала неправильный прикус. Базиль узнал этого человека: Женади Мертие – наёмный убийца, которому всегда удавалось выйти сухим из воды.

– Что прикажете, мадемуазель? – спросил Мертие, покорно опускаясь на колени перед дамой, как дьяволопоклонник перед адописной иконой.

Вместо ответа дама сорвала с портрета кусок материи. Базиль остолбенел, узнав в блестящем аристократе на холсте Люрора де Куку, и в его мыслях зашевелились образы страшных догадок.

– Вы хотите его голову?! – нервно сглотнув, спросил Мертие.

– Я бы предпочла его сердце, – мрачно усмехнулась дама в ответ. – Но раз он не думает головой, то сойдёт и она!

– Но ведь он же... – пролепетал Мертие, умоляюще взгля-

нужна на свою нанимательницу.

– Будет беззащитен и не так быстр, как обычно, – сказала дама под вуалью. – Сделай своё дело, и проживёшь ещё сотню лет.

– Да, госпожа! – Мертвые поклонился и вышел на подгибающихся от страха ногах.

А дама подошла к зеркалу и приподняла вуаль, обнажив чувственные алые губы, будто специально созданные для яростных, как укусы, поцелуев. Ей хотелось расслабиться, сбросить с себя вуали условностей и предвкушать торжество мести. Базиль прильнул к стеклу с противоположной стороны, по-кошачьи прищурившись в ожидании прикосновения к её тайне. Как она выглядит? Кто она? В этот миг дама вдруг начала хватать носом воздух. Запах магнолии и сандала отвлекал от мускусного запаха, свойственного оборотням, но сейчас его уже невозможно было не заметить.

– Кто здесь?! – жёстко произнесла она, раскрывая веер и поднимая лорнет, чтобы видеть и разить на всех уровнях бытия, а за этим вопросом последовал резкий удар силы некро-сферы, разбивший зеркало на тысячи осколков.

Незнакомка недовольно топнула ногой, обнаружив тайное укрытие: того, кто прятался в нём, уже и след простыл. Правда, на небольшом выступе стены что-то белело. Дама подошла ближе. Тайная записка, в которую был завернут немудрёный букетик васильков. Что это? Может быть, это ловушка или порча? Сначала её рука уже подняла веер, чтобы уничто-

жить цветы, но они были такими милыми, как в её юности, когда она была нежной и доброй, собирая эти синие венчики на зелёных стеблях. А что же в записке? Дама развернула скомканный в порыве лист бумаги и прочитала следующее послание, заставившее её отложить веер и засмеяться:

*«О Вас мечтаю третий день,
Встаю в тоске в такую рань,
Хоть Вы не кротки, как сирень,
И не душевны, как герань,
Пусть! Я – беспечный одуван,
Простой, но гордый василёк,
К Вам дикой страстью обуян —
Аж в горле ком и в сердце «ёк»!»*

Эти забавные строки выглядели так, будто писавший их обмакивал острый коготь в собственную кровь, чтобы второпях в буквальном смысле нацарапать любовное послание, слегка прокалывая поверхность бумаги.

– Оборотень... – пробормотала дама, снова вдохнув призывный запах мускуса, казалось, сочившийся из каждой буквы.

Ещё буквально несколько месяцев назад она бы пришла в ярость от того, что какой-то презренный проклятый смеет оказывать такие дерзкие знаки внимания ей, Клодине де Нозиф, Заправиле шестого сектора Потустороннего Парижа и Главе Пыточного следствия! А сегодня... Что с ней случилось сегодня?! Почему эта дурацкая записка и жалкий буке-

тик, не шедшие ни в какое сравнение с роскошными подарками от других её мужчин, пробудили такие странные, давно забытые ощущения внутри? Клодина обернулась и взглянула на портрет, рядом с которым трепетало пламя чёрной свечи, делая лицо изображённого на нём некроманта живым и насмешливым, но сейчас эта тонкая усмешка на изогнутых тёмных губах больше не пронзала жгучей болью разочарования её сердце, неожиданно согретое васильковым обещанием.

Что таило в себе это обещание? Какая разница?! Клодина вдруг почувствовала, что может отпустить свою боль. На душе стало легко. Что же делать с этой запиской и её автором? Порвать и забыть (не хватало ещё, чтобы этот недостойный принёс в её жизнь новую боль)? Клодина снова вдохнула мускус и, немного помедлив, с улыбкой спрятала записку за корсажем, а букетик прицепила к платью, как брошь.

Раз уж она возглавляет пыточное следствие, то почему бы не заняться расследованием этого несанкционированного проникновения? Ну а если оно и закончится пытками, то этот наглец знал, на что шёл! Она погасила свечи, а потом всё тем же взмахом веера приказала шторам и окнам открыться; похоже, и душа её тоже была открыта, осталось только ждать того, кто сможет понять это и войти, вернее, вернуться: ведь дерзким преступникам свойственно возвращаться на место преступления, особенно хвостатым похитителям дамских сердец.

А ведь порой открытая душа – находка для проходимца! Этой истиной с давних времён часто пренебрегали дети и влюблённые. На первый взгляд, шевалье Федерик относился ко второй категории лиц, но в силу наивности своих суждений в некоторых вопросах вполне мог быть причислен и к первой. Этой ночью он торопился на свидание с дофиной. Мария-Антуанетта не подозревала, кем на самом деле является её фаворит, и любила его всей душой, а сам Федерик был очарован её светлой красотой, весёлостью и добрым нравом. Надо отметить, что женщины, отмеченные силой некро-сферы, тоже были хороши собой, но их внешность будто носила печать мрака. Возможно, из-за того, что все они утратили силу созидания?

У некромантов было не принято заключать браки и создавать долгосрочные отношения как между собой, так и тем более с обычными смертными. Каждый, кто смотрел на мир сквозь разноцветные стёкла, жаждал оказаться на вершине власти, сконцентрировав в себе все токи силы Противоположности Жизни и не желая делиться ни с кем, в том числе и со своими возможными детьми. Исключением из этого правила стал только наделавший много шума неожиданный флирт Люрора де Куку с Клодиной де Нозиф, впрочем, этот союз тоже не продержался долго. Ходили слухи, что первый советник Хозяина Потустороннего мира преследовал какие-то свои цели, очаровав Клодину, но в чём они за-

ключались и были ли на самом деле, не знал никто.

Конечно, сейчас Федерик не думал об этом, он спешил к фонтану. Его немного удивила просьба дофины, изложенная в послании, но он решил, что все эти «принадлежности» нужны для какой-нибудь невинной забавы. Для доставки кирпичей и прочего добра Федерик решил воспользоваться услугами скелетов с ближайшего кладбища. И теперь все они, поднятые из земли силой дара некроманта, вяло тащились за своим хозяином, похрустывая суставами и недовольно ворча.

– Хотите загадку? – кряхтя от натуги, спросил самый мелкий и шустрый скелет.

– Ну?.. – ответили два других.

– Тогда так: «Красный, крепкий, вреден для зубов». Что это?

– Херес! – с один голос предположили скелеты.

– Какой херес?! Вы что? – Загадавший загадку аж подпрыгнул от неожиданного ответа, а потом смилостивился и дал подсказку: – Говорят ещё, что его всё время просит чья-то морда.

– Всё равно херес... – снова робко пробормотали его собеседники, а потом, добавили очень виновато: – Больше ничего не подходит!

– Пропойцы костлявые! – приосанившись, отчитал их загадчик, – Разгадку вы тащите на себе: это кирпич!

– А что... смешно... – мрачно отозвались скелеты, щёлкая

челюстями для изображения смеха. – Но херес лучше.

– Прекратите болтать и сложите всё вот в тех зарослях! – прерывая их, тихо, но жёстко произнёс Федерик, указав на кусты сирени недалеко от фонтана.

Скелеты покорно отправились выполнять приказание.

– Закопаться по самое «не хочу» и ждать, пока я не призову вас! – добавил некромант вдогонку, а сам принялся всматриваться в темноту, стора от желания увидеть свою возлюбленную.

Скелеты, выполнив первое указание своего господина, промедлили со вторым.

– Как это – «по самое не хочу»?! – бормотали два самых недотёпистых.

– Очень просто: я вообще не хочу закапываться! В кои-то веки дали пройти и размять кости, и вдруг такое! – заявил тот, который загадывал загадки.

Такое неповиновение господину произошло из-за того, что скелеты попали под воздействие ауры силы другого, более могущественного некроманта, оказавшегося в саду. Она создавала помехи. В результате вся костлявая компания так и осталась сидеть в кустах, прячась за кирпичами.

– Чуете? – прошептал через некоторое время самый шустрый из троицы скелетов. – Вон там крадёт какой-то человек.

– Ну? – как обычно ответили двое других.

– Так вот, судя по морде его лица, он точно пришёл за

кирпичом!

Женади Мертие не слышал этого разговора: простые смертные не могли воспринимать такие тонкие вибрации, зато благодаря некромагии своей нанимательницы он хорошо видел и слышал свою жертву, приближавшуюся к фонтану. Безжалостный убийца, не щадивший ни детей, ни женщин, ни стариков, убивавший без тени волнения направо и налево, сейчас против обыкновения нервничал: впервые ему выпала честь убить настоящего некроманта! О том, что такие существуют на самом деле, он узнал, когда познакомился с роковой красавицей, поработившей его волю одним прикосновением своего веера из траурных перьев. Убить по её заказу было для него возможностью ощутить новую степень своего превосходства, поэтому сейчас он не просто выслеживал жертву – он охотился, как матерый зверь.

Его излюбленным оружием был нож, незаменимый в толпе и узком тёмном переулке, но в данном случае незаметно подобраться к цели на расстояние удара было невозможно, поэтому Женади Мертие решил использовать балестрино – изящный, маленький, лёгкий и почти бесшумный арбалет для скрытого ношения, которым его когда-то давно снабдила всё та же роковая красавица-нанимательница. Прикасаясь к прикладу, покрытому затейливой инкрустацией, Женади Мертие представлял себя принадлежащим к недостижимому для него аристократическому обществу. Недостижимое было проще ненавидеть. Тот, кого он выслеживал, тоже

был из числа разнаряженных вельмож, а неподалеку бродил и ещё один напомаженный и надушенный экземпляр – в общем, плюнь, и попадешь в аристократа, но Мертые предпочитал выстрелы.

В это время Люрор де Куку, поигрывая тростью и посверкивая стёклами пенсне, медленно шёл по ночному саду, внимательно вслушиваясь в темноту.

– Здесь опасное место! – сказал Нуар Тун-Тун, неожиданно преградив ему путь. – Я чувствую вибрации ненависти и жажду мести.

– Этого и следовало ожидать, – кивнул Люрор. – Клодина очень предсказуема. Дуэли между некромантами запрещены, поэтому она, скорее всего, решила сделать всё чужими руками. Должен отметить, что если она вынашивала такой план, то сейчас хорошо подготовилась: я не чувствую её наёмника. Видимо, сделала мне что-то для отведения взгляда и нарушения остроты восприятия.

Люрор знал, о том, что Клодина после ссоры с ним совершила кражу двух вещей из его особняка, где временами бывала на правах возлюбленной некроманта. В целом это было контролируемое и спровоцированное Люрором мероприятие, изящно вплетаемое в его грандиозный план, но вот несанкционированное похищение камерного портрета явно выбивалось из общей канвы. А все талантливо написанные портреты создают большие возможности для наведения пор-

чи, чем и воспользовалась взбешённая ревнивица.

– Может быть, вернёмся? – услужливо предложил Нуар Тун-Тун.

Он очень дорожил своим напарником, потому что рядом с ним старьевщику всегда было гарантировано обильное питание и приятные беседы.

– Нет, – покачал головой некромант. – Другого удобного случая может не представиться. Это игра!

– Опасная игра... – пробормотал старьевщик.

Неоправданный риск был чужд первому советнику Хозяина Потустороннего мира, и Нуар Тун-Тун знал, что Люрор решил на такие игры не просто так. Тем временем Мертиэ следил за своей жертвой через зачарованный прицел балестрино, созданный по принципу некромантской оптики. Наёмник выбирал удобный момент для выстрела. По словам его нанимательницы, убить некроманта было не так-то просто даже прямым попаданием в сердце, но выстрел, сопровождаемый магией некросферы, да ещё направленный безудержной энергией ревности, обладал колоссальной разрушительной силой.

В это время месье Куку сосредоточился на собственных ощущениях. Сейчас, когда он оказался магически ослеплён и оглушён на всех уровнях восприятия, оставалось полагаться на свою интуицию, чьи подсказки не раз спасали его в самые опасные времена, и на судьбу. Ведь, как известно, судьба ведёт всех членов клуба фаталистов, а сторонников Фомы

Неверующего и его последователя Станиславского – влачит.

В общем, они ударили одновременно: убийца и проводник воли Смерти. Мертые отпустил тетиву, а Люрор вонзил в землю трость, после чего по траве и дорожкам прокатилась неожиданная волна тёмной вибрации, которая могла бы уложить обратно в грунт целую армию мертвецов, до этого вставших во фронт, но в данном случае, за неимением таковой, просто сбила с ног всех, кто находился поблизости. От неожиданного землетрясения рука Женади Мертые дрогнула, и арбалетный болт, изменив направление, полетел по другой траектории. В следующий миг желание наёмника отчасти сбылось: его выстрел всё-таки поразил аристократа, тоже потерявшего равновесие и изменившего траекторию движения. В темноте послышался сдавленный стон и звук падающего тела.

– Федерик! – пробормотал Люрор.

Он вовсе не желал зла своему молодому коллеге по цеху законного отъёма жизней, но случайностей и случайных жертв в той авантюре было не избежать. Магия выстрела сошла на нет, исчерпав себя, а к Люрору постепенно возвращалось умение видеть скрытое через разноцветные стёкла. Шевалье де Кадавр лежал на земле в луже крови, правда, до кондиции настоящего кадавра дойти ещё не успел, хотя и был ранен навывлет в грудь. Люрор подошёл к нему и опустился на одно колено, желая осмотреть рану, а старьёвщик Амбруз материализовался рядом, чтобы отнимать боль сво-

его напарника.

– Не смейте приближаться к моей Марии-Антуанетте! Я запрещаю! – пробормотал Федерик, судорожно хватая Люрора за манжету, – Пообещайте, что с ней ничего не случится!

– Даю слово! – холодно сказал первый советник, после чего Федерик потерял сознание.

Все знали, что слово Люрора де Куку нерушимо, и это иногда создавало проблемы словодателю.

– Ну, что ж, жить будет, – усмехнулся месье Куку, взглянув на карманные часы с тремя циферблатами, и обработал рану каким-то снадобьем, щедро ливанув из небольшого флакона, отчего Федерик застонал, а Люрор добавил, обращаясь к своему старьёвщику: – Окажите помощь коллеге Амбруазу, Нуар! Месье Кадавр нужен нам в добром здравии и, что особенно важно, в отличной памяти.

Последние два слова были произнесены с каким-то особенным ударением. Нуар Тун-Тун понимающе кивнул и склонился над раненым, чтобы коснуться его воспоминаний. В это время Женади Мертие судорожно перезаряжал арбалет, что вообще было довольно долгим занятием, а тут ещё, как на грех, винт для натяжения тетивы заело намертво. Судьба будто отвернулась от него сейчас, когда её благосклонность была так необходима! Счёт времени шёл на секунды: не убиваешь ты – убивают тебя.

Мертие оставил идею с перезарядкой, решив использо-

вать прицел балестрино как средство наблюдения: ведь врага, особенно некроманта, которого ты только что пытался убить, желательно видеть очень хорошо. Сейчас, когда роли поменялись, Мертые тоже чувствовал себя зверем, но уже не охотящимся, а загнанным. Беспорядочно петляя, он отступал, не разбирая дороги, то и дело просматривая окрестности в прицел и думая о том, что он будет делать, если встретится с некромантом лицом к лицу. Одно только грело душу: чары, скрывавшие его от обнаружения противником, всё ещё сохраняли остаточное действие. Но как долго они будут действовать?

В это время скелеты, поднятые шевалье де Кадавром, оставшись без контроля, делали глупости в меру остатков ума своего.

– Ты посмотри, что он со мной сотворил! – уныло ворчал один из скелетов, демонстрируя своим костлявым товарищам дыру в черепе, пробитую арбалетным болтом.

– Зато теперь про тебя можно сказать: «Светлая голова» – вон как луна сквозь череп просвечивает! – решил успокоить его другой скелет.

– Не светлая, а дырявая! – насмешливо щёлкая челюстью, уточнил третий.

– Вот именно! – снова заныл первый. – А всё этот... Ух, морда!

Он погрозил пальцем в темноту, где прятался Мертые.

– Так я же говорил: кирпича просит! – пробормотал вто-

рой, самый шустрый скелет, а потом с интересом воззрился на грудь кирпичей.

А вот Люрор де Куку в отличие от скелетов пока не видел наёмника: чары, наложенные Клодиной, всё ещё защищали его от взгляда некроманта. Мертые заметил своего противника первым, отследив сквозь прицел балестрино, и потянулся за ножами, которые всегда носил при себе, – ощутимый вред в данном случае они не могли причинить, но, возможно, подошли бы для отвлекающего манёвра, дав ему возможность скрыться.

В этот момент «просьба» вышеупомянутой морды была удовлетворена с помощью меткого броска самого шустрого скелета. Сознание погасло и съёжилось, погружая Мертые во мрак, но это был ещё не конец. Когда наёмник пришёл в себя, первым желанием было бежать. Он рванулся вперёд, вдруг отметив про себя то, как близко была трава, словно он стоял на четвереньках или даже полз, как пресмыкающееся. Тело казалось неуклюжим и чужим, и это было страшно, но страшнее всего оказалось то, что ограничивало движение – тугой ошейник, от которого тянулась длинная цепь. Он повернул голову и увидел, как над ним блеснуло стёклами пенсне некроманта. Крик ужаса превратился в утробное рычание, и Мертые вдруг заметил, что его руки трансформировались в перепончатые когтистые лапы.

– Я не люблю проклятие оборотней, поэтому создаю их крайне редко и никогда не держу при себе, – произнёс чей-то

властный голос над его головой. – Но в данном случае пришлось сделать исключение. Некоторым просто необходимо осознать свою звериную сущность и место в пищевой цепочке.

Люрор де Куку собирался продолжить свою речь, но заметил, что к фонтану приближается та самая дама, на свидание к которой так спешил Федерик, и самое главное – с которой часто общался Базиль; а, значит, она могла быть полезна. Мария-Антуанетта ускорила шаг, заметив ожидающего её высокого статного мужчину в роскошном чёрном жюстокоре. Тот стоял к ней спиной и, казалось, гневался. Мария-Антуанетта, словно лёгкий мотылёк, рванулась вперед и прильнула к нему всем телом, обнимая и предвкушая сладкий поцелуй.

– Прости меня, я опоздала! – тихо прошептала она.

– Не стоит извинений, Ваше Королевское Высочество! – вкрадчиво прозвучало в ответ.

Этот очень приятный голос был чужим! Мария-Антуанетта испуганно отпрянула назад, а Люрор обернулся, одарив её совершенно дьявольской улыбкой.

– Вы не Федерик! – пролепетала дофина, замирая от страха.

– Разве я чем-то хуже? – смеясь, спросил Люрор де Куку.

– Вы... – Дофина запнулась и опустила очи долу, заливаясь краской смущения.

С её губ готов был сорваться возглас: «Не хуже!», но срывы у венценосных особ не приветствовались обществом, поэтому она, собрав всё своё королевское достоинство, предпочла промолчать в ответ.

– Где Федерик? – спросила дофина, с трудом совладав с волнением.

– Он немного занят. Сегодня я за него, – сказал Люрор и сделал шаг навстречу очаровательной женщине.

Мария-Антуанетта славилась восхитительной кожей, тонкой талией и дивными высокими причёсками. Многие мужчины при дворе замечали, что их сердца бьются учащённо рядом с этой прелестницей, но Люрор отдавал предпочтение не ангельской внешности женщин, а харизме и интеллекту, поэтому его сердце в данном случае не учащало свой ритм. Дофина по-своему истолковала его высказывание «Я за него».

Её охватил цепенящий ужас, смешанный с неожиданно приятным волнением в крови, из-за чего она не могла произнести ни слова, не говоря уже о том, чтобы позвать стражу. Казалось, ноги вросли в землю, не желая слушаться, а по голове словно били кувалдой – так стучала кровь в висках! Заметив, что таинственный незнакомец приближается к ней, Мария-Антуанетта и вовсе упала без чувств.

– Поздравляю: ты сразил женщину наповал всего лишь за первые тридцать секунд общения! – с иронией констатировал Нуар Тун-Тун, материализуясь рядом. – Это рекорд!

– Её обморок очень кстати, – заметил Люрор де Куку. – Мне нужны все её воспоминания о Базиле. Сейчас их будет проще забрать и скорректировать всё остальное.

– Будет исполнено! – кивнул старьёвщик и снова проделал ритуал изъятия: сняв с нежной шеи дофины изящное кольцо, он на мгновение окунул его в тёмную глубину своей необъятной шляпы, а затем отдал напарнику.

Это было незаконно, ведь старьёвщики не имели права забирать воспоминания у живых. Но когда в стране назревают беспорядки, кому какое дело до законов? Одного прикосновения к ожерелью было достаточно, чтобы понять, для чего Базиль записался в маркизы и посещал тайные встречи знати, более того, этих сведений вполне хватило бы для того, чтобы оборотня навечно заточили в казематы Замка Консьержи, или, как его ещё называли, Дворца Правосудия, под которым находился вход в многоярусные темницы Потустороннего Парижа, где коротали дни и ночи узники Пыточного Следствия. Люрор де Куку вспомнил о Клодине де Нозиф и усмехнулся. Всё шло по плану, не считая досадного просчёта в виде украденного портрета.

Возвращаться пришлось дольше обычного: Женади Мертие, претерпев чары проклятия оборотня, с трудом управлял своим новым телом, то и дело шарахаясь из стороны в сторону: одно дело быть страшным и опасным, как крокодил, и совсем другое – стать им по-настоящему. Мозг отказывался верить в случившееся, инстинкты животного захлёстывали

сознание дикими желаниями, а шею сжимал жёсткий ошейник – что может быть хуже?

– Я назвал его Геннадас – это перевод имени Женади на латынь, – сказал Люрор своему напарнику.

– Терпеть не могу пресмыкающихся! – проворчал старьёвщик, недовольно взглянув на оборотня.

– Надеюсь, Клодина тоже, – улыбнулся Люрор и замедлил ход.

Они остановились прямо под окнами «Отеля де Санс», и первый советник слегка приподнял шляпу, застыв на мгновение в лёгком галантном поклоне, адресованном прекрасной стервозно-инфернальной даме, грустившей у окна на втором этаже. Через мгновение прямо на голову Люрору обрушилось что-то квадратное, оказавшееся при ближайшем рассмотрении его камерным портретом, которым Клодина в приступе досады запустила в своего бывшего.

– По-моему, в вашей прежней пассии умер гениальный художник, – сказал Нуар Тун-Тун, пока Люрор как признанный ценитель прекрасного молча любовался холстом, на котором к его портрету были пририсованы алой помадой живописные клыки, усы и рога, а на месте глаз красовались проколы, сделанные ударом кинжала.

Провокация удалась. Теперь можно было переходить к самому главному.

– Забери мои воспоминания, – сказал Люрор, обращаясь к старьёвщику, когда они остановились в небольшом пустынь-

ном парке неподалеку от их временного пристанища в Мире Живых. – Но так, чтобы вернуть их мне в нужный момент.

– Что именно ты желаешь изъять? – спросил Нуар Тун-Тун.

– Всё, что касается Базиля и наших с тобой махинаций, – пояснил Люрор и, сняв с пальца массивный перстень, протянул старьёвщику.

– Хорошо, – одними губами улыбнулся Нуар Тун-Тун и бросил перстень в бездонность своей шляпы.

Люрор собирался войти в дом, когда к нему отовсюду стали стекаться тёмные длинные тени. Рядом с ним они сгустились, превращаясь в фигуры без лиц, одетые в чёрные фраки и высокие цилиндры. Это были посланники Хозяина Потустороннего Парижа.

– Ле Гран Фушюз призывает вас к себе, господин первый советник! – произнесли они, прикасаясь к его сознанию собственной пустотой. – Возвращайтесь немедленно!

Люрору де Куку оставалось только исполнить этот приказ.

Базиль, ставший невольным свидетелем сцены забрасывания предметами искусства надменного некроманта с крокодилом на поводке, наблюдал за этим, притаившись в подворотне. Перевоплотившись в кота, он караулил в засаде всю ночь, надеясь хоть одним глазком увидеть лицо дамы, взволновавшей его настолько, что он забыл о светских вечеринках, повстанцах и ужине. И вот его усилия увенчались успе-

хом! Незнакомка выглянула в окно.

Сейчас она казалась принцессой, вдохновлявшей на подвиги своего верного рыцаря, и хотя Базиль не был рыцарем, его всегда тянуло на подвиги, а в этот раз особенно, и надо отметить, что в данном случае в этом определённо было что-то героическое, ведь обычно рыцари побеждали опасных и могущественных драконов и женились на кротких и нежных принцессах, но тут «принцесса» с лёгкостью могла дать фору любому дракону.

Затаив дыхание, Базиль скользил взглядам по точёному овалу её бледного совершенного лица, с которого можно было бы писать иконы, чтобы молиться только ей, вознося хвалу восхитительным чёрным глазам, чувственным алым губам, чёрным волосам, в живописном беспорядке рассыпавшимся по плечам... А что там такое на её платье со стороны сердца?! Неужели она прикрепила туда его букетик из васильков?!

Правда, васильки уже превратились в сухоцветы (так влияла на них магия Противоположности Жизни, проводником силы которой были все некроманты), но это не меняло сути: его подарок пришёлся этой даме по душе. Так кто же она? Базилю не приходилось бывать в изысканном и закрытом для чужих обществе некромантов, поэтому он плохо знал женщин из их круга. Оборотень уже собирался предпринять отчаянный вояж по отвесной стене с последующим проникновением в будуар, а если повезёт, то и в альков, но его удер-

жало знакомое приятное прикосновение.

– Базильчик, вот ты где! Я тебя ищу по всему Парижу, с ног сбилась! – сказала Мари Туше, являя свой светлый призрачный образ рядом с ним.

– Что у нас в списке неотложных дел? – спросил Базиль, взглянув на свою напарницу с плохо скрываемой досадой.

– Шарман созывает всех на сходку, – шепнула Мари ему в мохнатое ухо. – И нам пора переправить добытые ценности.

– Не сейчас! – проворчал оборотень. – Чуть позже! Я занят, у меня важное дело!

– Нет! Именно сейчас! – настаивала Мари. – Он прислал хомяка! Это знак!

Базиль вздохнул и послушно потрусил за призрачной девушкой. Все знали: если главарь повстанцев послал хомяка – это знак того, что адресата могут скоро «схомячить» некроманты, а в случае с Базилем это был ещё и намёк на добытые запасы. У поворота на другую улицу серый кот остановился, чтобы ещё раз бросить взгляд на «Отель де Санс» в надежде снова увидеть даму в окне, но вместо этого оборотень заметил множество тёмных и длинных теней, стекавших к входу. Похоже, он и Мари вовремя покинули это место, потому что встречи со слугами Хозяина Потустороннего мира, не входили в их планы. Судьба разлучала его с прекрасной дамой, но Базиль поклялся, что обязательно найдёт Её Тёмное Совершенство.

В аптеке было людно, а меье Гассикур занимался обслу-

живанием покупателей, поэтому, чтобы не попасть кому-нибудь под ноги, Базиль в зверском облике предпочёл проникнуть внутрь через кошачий лаз, а Мари следовала за ним. Оказавшись в тёмной кладовке, Базиль остановился, втянув носом воздух. Хомячий запах бередил в нём инстинкты охотника.

Толстый грызун притаился на полке и с завидной скоростью поедал зёрна пшеницы, которые месье Гассикур держал здесь для проращивания и изготовления целебных отваров. Серому коту оказалось достаточно одного грациозного прыжка, чтобы сграбастать серый меховой комок, у которого при более внимательном рассмотрении можно было заметить чёрные бусинки глаз, нервно дёргающийся носик и пухлые щёки, не вмещавшиеся в лапы серого кота.

– Я требую, чтобы меня оградили от грубых посягательств этого котообразного нахала! – мощным басом возопил хомяк, пытаясь вырваться. – Это произвол! Вот только дай мне обернуться, и тогда увидим, кто кого! Я даже не посмотрю на то, что ты маркиз и герой-любовник, что, кстати, является весьма сомнительным достинством!

– Базиль! – укоризненно покачала головой Мари Туше, едва сдерживая смех.

Оборотень нехотя выпустил из когтей хомяка и принял человеческий облик. В следующий миг рядом с ним вырос крупный упитанный мужчина ростом головы на две выше Базиля. Это он по издевательскому проклятию одного из

некромантов уже много лет превращался в хомяка и по совместительству служил связным между повстанцами в силу высокой компактности и невероятной степени умиленности его звериного образа, отводивших подозрение властей по ту и по эту стороны.

– Ну что вы теперь мне скажете, маркиз де Монбельяр?! – грозно, но весело спросил связной, с вызовом взглянув на Базиля, и сложил мощные руки на груди. – Сойдёмся в честном поединке?

– Я принимаю ваш вызов, месье ла Амстер! – с шутивным гонором в голосе отозвался Базиль, приподнимаясь на цыпочки, чтобы казаться выше. – Ля лют или простое рукоборье? *(словом «ля лют» обозначали все виды борьбы во Франции – прим. автора)*

– Ну какое рукоборье?! – всплеснула руками Мари Туше. – Нам же пора делать переход! Сюда некроманты могут нагрянуть в любую минуту! Вдруг это тайное пристанище уже раскрыто?

– В общем-то да... – растерянно пробормотал связной, виновато взглянув на призрачную девушку.

Несмотря на угрожающий внешний вид, связной был известным добряком, хотя в гневе мог и озвереть, что играло с ним злую шутку.

– Так и скажи, что испугался! – продолжал подначивать Базиль, продемонстрировав внушительный бицепс на правой руке.

– Я?! – гневно воскликнул в ответ ла Амстер. – Ничуть!
И вообще, не буди во мне зверя!

После этой фразы мгновенно произошло обратное превращение.

– Вот чёрт! – под залиvistый смех Базиля воскликнул связной уже в образе хомяка. – Опять проговорился! Чёртово проклятие!

После этого Мари уговорила мужчин не меряться силами до перехода в безопасное место. Они быстро собрали шкапулки, табакерки и золото, добытое за время их тайного пребывания в Париже, а потом, наспех попрощавшись с освободившимся от дел аптекарем, отправились к месту перехода.

Мир Живых и Потусторонний Мир имели несколько точек соприкосновения, в которых можно было легко создать портал. Наиболее энергетически мощная точка находилась недалеко от Парижа на Шарронском холме, где ещё во времена Короля-Солнце орден иезуитов создал монашеский сад с фонтанами и кладбище, названное по имени одного из отцов-наставников Франсуа де ла Шеза. Там, среди потемневших от времени крестов и угрюмых склепов, и располагалась точка перехода.

– Прости, дорогая! – промурлыкал Базиль, нагружая Мари Туше тюками с награбленными ценностями, которые всё это время он и связной тащили на себе.

Тюков было шесть, некоторые из них обладали значительной тяжестью, поэтому можно было смело назвать затюкан-

ным, а вот хомяк в его человеческой ипостаси выглядел просто созданным для ношения тяжестей. Обратни умели прекрасно оборачивать пространство, создавая порталы, но для этого они должны были освободиться от ручной клади. Базиль начал творить магию оборота, бормоча себе под нос:

Кот, сбежав от разной жуты,

Вход в свой мир сейчас замутит.

С ним Мари и два тюка,

И гротеск на хомяка!

Связной собирался возразить против гротеска и упомянутого количества ручной клади, но не посмел, так как сейчас от них обоих зависела безопасность перехода Мари и доставка ценностей. Сейчас ла Амстер стоял напротив Базилья, а между ними находилась Мари и вышеупомянутые тюки. Энергия оборота постепенно охватывала их, чтобы закружить в воронке, уносящей прочь из мира живых.

– Как же здесь холодно! – проворчал Базиль, когда переход состоялся.

Потусторонний Мир был изнанкой, отражением Мира Живых, поэтому весной там свирепствовала промозглая осень, а – летом лютая зима. Сейчас они тоже попали в предзимье. Багровые лучи чёрного диска солнца мёртвых не согревали, а лишь придавали окружающему пространству эффект какого-то мрачно-прекрасного трагизма, подчёркивая эстетику вечного разрушения и увядания.

– Идёмте! – кряхтя, позвал ла Амстер. – Шарман не любит

ждать!

Местом тайной сходки служила Церковь Сен-Сюльпис, расположенная в латинском квартале Парижа. Дело в том, что призрак епископа Сульпиция Благочестивого, которому и было посвящено это пока ещё не достроенное сооружение, оказавшись среди повстанцев, сам предложил использовать церковь как место сходов, не вызывающее подозрения у властей. Облачившись в монашеское одеяние, Базиль и компания прибыли туда, когда основная сходка уже подошла к концу и в подземном зале, используемом служителями церкви для хранения различных запасов, остались только Шарман и самые надёжные его сподвижники.

В такие круги был вхож только Базиль, поэтому Мари и ла Амстер отправились отдохнуть в церковной трапезной. Когда маркиз де Монбельяр вошёл в подземелье, Шарман как раз рассказывал о новом плане действий. Главарь повстанцев всегда выглядел как разбойник с большой дороги, хотя разбойником на самом деле не был, словно иллюстрируя известное высказывание о том, как обманчиво первое впечатление.

– Нам просто необходимо привлечь на свою сторону кого-то из элиты общества некромантов! Вот те, кто мог бы быть полезен нашему общему делу, – сказал Шарман и сделал знак художнику.

Этого рыжеволосого мастера знали все: хотя Фьорентино Россо и был итальянцем, он жил, творил и умер в Париже

и теперь входил в тайную ячейку повстанцев. Он мгновенно начертал на стене портреты некромантов, один из которых относился к обнажённой натуре, чем сразу привлёк внимание Базиля, потому что пройти мимо таких форм этот дамский угодник просто не мог. Шарман тем временем называл имена, и после каждого по залу эхом проносилось:

– Невозможно!

Некромантов боялись все. Ни один плотный фантом или оборотень, а тем более призрак или скелет, не мог противостоять их силе. Базиль с восхищением созерцал волнующие изгибы, целомудренно скрытые художником под невесомыми и полупрозрачными струящимися тканями, а потом его взгляд добрался до лица дамы с портрета, заставив оборотня обомлеть от её неожиданного сходства с предметом его тайных вздыханий.

– Клодина де Нозиф! – объявил Шарман, словно произнося приговор. – Глава Пыточного следствия.

ГЛАВА III. Узник замка Консьержи

– Но её, по понятным причинам, мы в расчёт не берём, – проворчал главарь повстанцев, опасливо покосившись на картину, наспех намалёванную на стене, словно даже этот рисованный образ Главы Пыточного следствия был опасен.

– Точно! – не стовариваясь, дружно отозвались все присутствующие повстанцы. – Среди нас сумасшедших испытателей нет!

– Кажется, один есть! – неожиданно донеслось от самых дверей.

Базиль сбросил с головы капюшон и с самым невинным видом подошёл к столу, за которым расположился Шарман. Монашеское облачение на самом любвеобильном оборотне всея Потустороннего Парижа выглядело как очередная его дерзкая насмешка над сложившейся ситуацией. Базиль, носивший тайную кличку Мурный Лохмач, по мнению многих, происходившую от слова «аМурный», кроме бесчисленных амурных походов был известен ещё и тем, что любил действовать, балансируя на грани, будто играя со смертью.

– А ты шути, шути, да не зашучивайся, Мурный Лохмач! – с мрачной усмешкой, урезонил его главарь повстанцев.

– А я и не шучу, – сказал Базиль.

Шарман кивнул и жестом попросил всех удалиться.

– Ну, рассказывай, с какого перепуга ты вздумал добровольно записать себя в великомученики? – спросил он у Базилья, когда они остались одни. – Это же Пыточное Следствие, а не прогулка по саду!

– Да вот хочу исполнить своё давнее желание: я ведь Базиль, значит, мне нужна базилика, – сказал оборотень, осклабившись и обнажая острые клыки. – Базилика Святого Базилья Великомученика! Звучит?

– Сядь! – проворчал Шарман, укоризненно покачав головой, и когда оборотень легко и грациозно запрыгнул на высокий выступ в стене и картинно улёгся там, опираясь на правый локоть, добавил: – Брачный период у котов, вроде, ещё не скоро, а тебя уже потянуло на самопожертвование.

– А хоть бы и так! – клыкасто усмехнулся Базиль. – Жизнь после проклятия скучна и пуста, как заброшенный парк, полный разрушенных беседок и сухоцветов. Я стараюсь наполнить её настоящими живыми ощущениями: это помогает поверить, что в ней ещё остался какой-то призрак прошлого смысла, и я смогу его однажды увидеть!

– Так ты серьёзно собираешься её... – Шарман задумался, подбирая нужное слово, – Приобщить к нашему делу?

Базиль кивнул. На самом деле он готов был использовать любую возможность, чтобы приблизиться к объекту своей страсти, а идея с привлечением могущественных некромантов на сторону повстанцев просто удачно совмещала прият-

ное с полезным. Шарман прекрасно понимал это и не хотел отпускать одного из самых смелых и бравых своих соратников в такой опасный поход, но чувствовал, что Базиль всё равно будет реализовывать свой план. Удерживать его на конспиративных квартирах – то же самое, что закрыть в клетке матёрого кота: всё равно вырвется.

– Что ж, надеюсь, твоего звериного обаяния и сил хватит, чтобы повернуть всё это, – сказал Шарман, похлопав Базилья по плечу (дело действительно могло выгореть!). – А мы поможем: придумаем и реализуем подходящую легенду для тебя, создадим этой стерве нужное настроение.

– Настроение?! – Базиль прищурился, отчего его лицо приняло хитрющее выражение, какое бывает у котов, выслеживающих мышь. – Какое?

– Снежное, – подмигнул ему Шарман, в голове которого тоже созрел хитрый план.

А вот у Клодины не было никаких планов, вернее, все они разрушились после прихода в Отель де Санс посланников Хозяина Потустороннего Мира, возвестивших о необходимости явиться на аудиенцию. Это обстоятельство страшно разозлило Главу Пыточного следствия, потому что в её жизни, а вернее в её смерти – ведь жизнью назвать такое существование было сложно, только-только начал появляться давно утраченный смысл, призывно пахнувший мускусом и манящий синевой васильков, а эта треклятая аудиенция пе-

речёркивала возможную встречу. Где теперь искать дерзкого оборотня, оставившего ей послание? Перед тем как отправиться к точке перехода, Клодина призвала к себе рой тёмных душ, много лет служивших ей верой и правдой.

– Повелеваю вам отыскать обладателя вот этого аромата! – холодно сказала она, когда души, явившись на её зов, окружили её плотным, а вернее, бесплотным, кольцом.

В её руке белело послание с начертанными стихами.

– Ваше Жестокосердие! Есть одна проблема... – замялись души, дрожа перед своей госпожой.

– Что ещё за проблема?! – недовольно проворчала Клодина.

– У нас у всех с годами развилась некоторая... э-э-э-э... близонюхость, – смиренно ответили души.

– Что?! – рассвирепела Клодина, с треском раскрывая боевой веер – страшное оружие всех женщин, имеющих некрмантские способности.

– Ну, то есть нам сложно удалённо ощутить запахи... – пролепетали души. – Требуется близкое расстояние, а это очень пугает живых, они ощущают присутствие. Поэтому...

– Поэтому вы сократите расстояние до минимума и найдёте того, кто мне нужен, даже если вам придётся перенюхать и перепугать весь Париж и его окрестности! – жёстко сказала Клодина, и души бросились исполнять её приказ.

На аудиенцию Глава Пыточного следствия явилась последней и, громко цокая каблуками и шелестя подолом, про-

шла в дальний угол зала ожидания, чтобы чинно усесться в изящное кресло. Лувр, в котором обитал Хозяин Потустороннего Мира, по своим помпезно эффектным внешним характеристикам не дотягивал до звания тёмной цитадели, что оставляло слабую надежду на то, что когда-то он очистится от скверны. Приглашенных на аудиенцию было трое. Клодина избегала встречаться взглядом с Люрором де Куку, а Фредерик никогда не привлекал её внимание. Почему пригласили именно их троих?

Клодина так и эдак пыталась ответить на этот вопрос всё долгое время ожидания. Хозяин Потустороннего мира любил доводить своих вассалов до состояния нервного срыва. Когда их всех наконец пригласили в апартаменты наместника Противоположности Жизни, двое из приглашённых уже достигли надлежащей кондиции. Всё началось с ритуала демонстрации почтения и покорности Хозяину Потустороннего мира, в ходе которого мужчины опускались на одно колено, а женщины делали максимально глубокий реверанс.

– Вы как всегда очаровательны, мадемуазель де Нозиф! – услышала она голос Хозяина, прозвучавший над её головой подобно грому. – Советник, я скучал без наших с вами остроумных бесед! Шевалье да Кадавр, наслышан о ваших успехах!

Судя по обилию приятностей, разговор обещал быть долгим и мрачным.

– Я хочу видеть ваши глаза! – как-то до боли мягко произ-

нес Ле Гран Фушюз. – Ваши прекрасные глаза, дорогая Клодина!

Его голос, обычно тягостный, жёсткий и будто сочившийся мраком, сейчас источал елей, что было явным признаком гнева второй степени. Надо отметить, что после проявления первой (то есть высшей) степени вышеупомянутого гнева вызвавшие эту эмоцию редко оставались в живых и даже в мёртвых: Хозяин Потустороннего мира, Наместник Противоположности Жизни Ле Гран Фушюз, имел обыкновение развеивать такие личности в Абсолюте, предварительно поживившись их некромантской силой.

За многие века количество развеянных возросло до неприличных масштабов, не вмещавшихся в список длиной от забора и до обеда. Клодина подняла голову и взглянула на своего сюзерена. Хозяин Потустороннего Мира уже несколько веков не являл свой истинный телесный облик, предпочитая состояние плотного фантома, которому было гораздо сложнее причинить какой-либо вред. Он по-прежнему носил рыцарский доспех, как в стародавние времена своей живости, отличительной чертой которого был шлем с личиной в виде маски, застывшей в сардонической улыбке. Выглядело это пугающе, потому что через прорези для глаз, выполненные из россыпи самоцветов, всегда сочился свет силы Противоположности Жизни, от которого не было спасения.

– Вы чем-то опечалены, мадемуазель? – спросил Ле Гран Фушюз, приподнимая лицо Клодины за подбородок.

Бархатная перчатка, надетая поверх металла доспехов, казалась холоднее, чем сталь.

– Только долгой разлукой с вами, Ваша Смертоносность! – смиренно ответила Клодина, и Хозяин Потустороннего мира жестом пригласил её подняться.

Клодина вздохнула с облегчением, созерцая коленопреклонённых мужчин. Ей, как и всем некромантам, были, мягко говоря, неприятны эти демонстрации превосходства со стороны Хозяина Потустороннего мира, но никто из носивших лорнет или пенсне с разноцветными стёклами не смел перечить наместнику Противоположности Жизни и провоцировать разные степени его гнева. Ле Гран Фушюз прошёл в глубь зала и остановился у окна.

– Мои призрачные счетоводы недавно закончили подсчёт дыханий и биений, имеющих хождение в Потустороннем Париже, – начал он после небольшой паузы. – Так вот, среди них обнаружены такие, которые заимствованы у живущих по ту сторону, то есть получены незаконно, не через некромантов и не в момент последнего издыхания.

В его голосе начала звучать холодная ярость, от которой у Клодины задёргался глаз, словно она соблазнительно подмигивала своему сюзерену. Правда, это вряд ли могло произвести впечатление на Хозяина. Люрор де Куку, знавший сюзерена ещё до того, как их обоих приняла на работу Противоположность Жизни, как-то обмолвился Клодине о том, что давным-давно Ле Гран Фушюз очень тяжело пережил смерть

своей возлюбленной, которая была юной прелестной девушкой восемнадцати лет, и с тех пор вечно пытался найти похожую на неё по ту и по эту стороны.

– Все эти заимствования дыханий и биений каждый раз происходили как раз во время вашего пребывания в Мире Живых. Так вот, я жду объяснений! Как можно было находиться в непосредственной близости от места преступления и не заметить незаконного отъёма и утечки средств?! – продолжил Ле Гран Фушюз. – Начнём с вас, мадемуазель! Вы замечены в связи с этими неприятными событиями лишь один раз. С какой целью вы покинули Дворец Правосудия и совершили переход?

Клодина встрепенулась, как раненая птица, не зная, что сказать. Её переход был продиктован желанием мести Люрору де Куку, но как сообщить об этом Хозяину?

– Я... заметила, что ваш первый советник слишком подозрительно вёл себя всё это время, и решила проследить за ним лично. Не поручать же это дело простым соглядатаям? – решила выгородить себя мадемуазель де Нозиф.

Ле Гран Фушюз слушал её, сложив руки на груди, и сардоническая усмешка его личины, казалось, стала ещё более едкой.

– Ну а вы, шевалье? Вы тоже развлекались тем, что следили за моим советником? – осведомился он, взглянув на Федерика.

– Нет! Как можно?! – не поднимая головы, ответил ко-

ленопреклоненный де Кадавр. – Я со своим старьёвщиком отправился исполнять свой некромантский долг, о котором возвестили мои рабочие часы.

Ле Гран Фушюз подошёл к Люрору де Куку и, положив ему руку на плечо, спросил:

– Они оба лгут, верно, месье Куку? Вы тоже слышите фальшь, как и я?

– Я не настолько проницателен, Ваша Смертоносность, – спокойно и с достоинством сказал тот, взглянув на Хозяина снизу вверх и ухитряясь при этом не выглядеть униженно. – И могу отвечать только за себя. Я заметил не только проникновение незаконных биений и дыханий, но и многие другие проявления, которые могут говорить только об одном: в городе работает группа мятежников. Я совершил переход, чтобы расследовать подробности этого дела.

Хозяин Потустороннего мира снова сложил руки на груди. Он и сам не исключал существование мятежников, но факт незаконного переноса дыханий и биений мог свидетельствовать о том, что кто-то из его вассалов переметнулся на сторону мятежников. Эти трое всегда вызывали у него смешанные чувства: Клодина была слишком необузданной и свое нравной, Федерик – слишком добрым и непредсказуемым, а Люрор – слишком хитрым, чтобы он мог безоглядно доверять кому-то из них.

– К чему привело ваше расследование? – спросил Ле Гран Фушюз.

– Я нашёл того, кто занимался отъёмом дыханий и биений! – невозмутимо заявил Люрор де Куку, совершенно ошарашив всех присутствующих. – Нашёл, обезвредил, назначил наказание, наложив заклятие оборотня, и оставил жить в своём доме в сугубо воспитательных целях.

Клодина слушала всё это, вытаращив глаза от удивления. Наёмный убийца, которого она наняла, – мятежник?! Какой ужас! Не хватало ещё, чтобы их связь открылась!

– Почему не доложили об этом сразу же? – задумчиво поинтересовался Ле Гран Фушюз, жестом предложив Люрору де Куку подняться с колен.

– Хотел продолжить расследование и выйти на более значимых персон, – ответил тот, вставая.

От природы этот вассал был ростом выше своего сюзерена, поэтому Ле Гран Фушюз слегка воспарил над полом, чтобы ликвидировать это внешнее преимущество.

– Я хотел бы удостовериться в сказанном, изучив ваши воспоминания, – сказал он, призывая своих старьёвщиков.

– Вы не имеете права на насильственный отъём воспоминаний у тех, кого приняла на работу Противоположность Жизни! – сказал Нуар Тун-Тун, материализуясь за спиной у своего некроманта.

– Кто же говорит о насилии?! – с деланой любезностью в голосе спросил Ле Гран Фушюз. – Тому, кто верен мне, нечего скрывать от своего сюзерена. Они отдадут мне свои воспоминания сами, не так ли, месье Куку?

– Конечно! – не задумываясь, кивнул первый советник.

Клодина и Федерик с ужасом наблюдали за тем, как старьевщики Хозяина окружают Люрора, не сводя с него глаз, полных клокочущей пустоты. Мгновение – и Ле Гран Фушюз уже окунулся в омут чужих воспоминаний, зажав в ладони брошь с чёрным бриллиантом.

Когда некроманты с поклонами удалились, он снова встал у окна, чтобы посмотреть им вслед. Воспоминания не открыли ничего предосудительного: ненависть и жажда мести у Клодины, пылкая любовь к смертной у Федерика не имели ничего общего с предательством, мерещившимся ему на каждом шагу. Оставался Люрор. Ле Гран Фушюз ответил лёгким кивком на прощальный поклон первого советника, в воспоминаниях которого не было ни одного намёка на двойную игру, но интуиция упорно сигналила о другом.

Базиль бы очень удивился, узнай он о том, что ради него разыгрываются такие рискованные многоходовки. Впрочем, сегодня ему было не до этого, потому что повстанцы реализовывали свой хитрый план с оборотнем в главной роли. Натупило утро, настолько светлое для начала зимы, что даже мрачная громада Дворца Правосудия не казалась такой зловещей и мрачной, как это случалось обычно.

Снежинки преобразали серые стены замка, одевая их в серебристые тона, из-за чего Замок Консьержи становился похожим на колдунью, притворявшуюся придворной дамой.

Но это был только внешний эффект, а суть этого здания не менялась: тюрьма, она и в потустороннем мире тюрьма, а слава этой мрачной обители затмевала даже славу знаменитой Бастилии.

– Принимайте новенького! – объявил кромешник, когда двери Дворца Правосудия открылись перед ним.

Кромешниками назывались те самые тени на службе у Хозяина Потустороннего мира, которые недавно принесли некромантам весть об аудиенции. Кроме посыльных среди них были и те, что исполняли роль ищеек и младших чинов пыточного следствия.

– Долговое преступление и драка в трактире?! – прочитал тюремщик надпись на бирке, выдаваемой всем заключённым. – Что ж ты так? В долгах, как в шелках, да ещё и драчун? Ладно, у нас будешь как шёлковый.

Базиль кивнул, изображая печаль и раскаяние. В этом и состоял план мятежников: оборотень проникал в Замок Консьержи с пустячной провинностью, чтобы очаровать Клодину и освободить некоторых узников, угодивших в тюрьму по уже гораздо более мрачным обвинениям.

Дворец Правосудия в некотором смысле представлял собой вершину айсберга правоохранительной системы потустороннего Парижа. С первого по третий этаж в этом мрачном здании были залы, где проводились суды и казни, рабочие кабинеты некромантов и более мелкой знати, служащих в данном учреждении, и хранилища дел, заведённых на

преступников, а на нижних подземных ярусах располагались долговые тюрьмы, затем – пыточные камеры и горнила наказаний. Базиль с самым смиренным видом шёл вперёд по довольно мрачному коридору, подгоняемый сзади окриками конвоировавших его кромешников.

Факелы потустороннего огня, укреплённые на стенах, озаряли пространство мрачным дрожащим неверным светом, открывая взору старинную каменную кладку, будто пропитанную ненавистью и болью множества узников. Это ощущалось даже внешне: многие камни имели форму искажённых страданиями лиц, тяжёлые веерные своды нависали сверху, словно крышка гроба, а там, где коридор имели развилки, со стен свешивались замурованные по пояс скелеты, красноречиво указывавшие путь в стиле «а не пошли бы вы...».

В городе ходили слухи о том, что многие нарушители закона, имевшие особо тонкую (по грубым прикидкам, дюйма в два) душевную организацию, попав сюда и пройдя по коридорам, теряли рассудок от страха, и это были самые везучие из заключённых, потому что остальным якобы предстояло потерять его от боли и терзаний. Никто не мог бы точно определить, насколько тонкой была душевная организация у Базиля, но после проклятия оборотня он не только не потерял прежнего безбашенного бесстрашия, присущего ему во времена обычной жизни, но и существенно повысил его градус. Повстанцы шутили, что виной тому настойка валерианы, которую так любили все коты, но на самом деле Базиль

вёл себя настолько развязно и рискованно, потому что не дорожил своим существованием.

Проклятие оборотня подразумевало как бы бесконечное зависание между жизнью и смертью, не дававшее ни нормально жить, ни нормально умереть: плоть оборотня была не жива, но и не мертва, инстинкты животного часто заглушали голос разума, обычные человеческие занятия не приносили прежней радости, после смерти родных и друзей одиночество в пёстрой толпе угнетало, и существование утрачивало смысл. Многие проклятые таким образом опускались до животного состояния, утрачивая личность, но только не Базиль.

Со временем он научился получать удовольствие от инстинктов и извлекать выгоду из своей двойственной природы, а вот с поиском смысла дело обстояло сложнее, именно он привлек его в ряды повстанцев. Их в шутку именовали иногда Партией Цветоводов из-за фирменного знака мятежников – перевернутого цветка в горшке, который вопреки мнению обывателей символизировал вовсе не три основных лозунга («землю – крестьянам, цветы – женщинам, а горшки – детям»), к которым иногда добавлялся ещё один: «покой – покойникам». На самом деле суть этого символа была в воскрешении, в новом рождении из сора, в расцвете жизни после жизни без издевательских условий, которые насаждала правящая верхушка некромантов.

В свете всего этого шествие по коридорам Дворца Право-

судия совсем не впечатлило Базиля. Он с лёгкостью мог бы указать путь всем замураванным скелетам настолько цветисто и бранно, что те потеряли бы челюсти от удивления, и даже затеять потасовку с кромешниками, но это шло вразрез с планом, который они наметили вместе с Шарманом. План был прост: не привлекая внимания, проникнуть на долговой ярус, изучить обстановку и освободить ряд заключённых с помощью Клодины или без. Шарман не верил в возможность завербовать Главу Пыточного следствия на сторону повстанцев и надеялся, что оборотень оставит эту дикую идею, а Базиль в первую очередь думал о том, как встретится с той, что навсегда покорила его сердце и зажгла в крови неугасимое пламя желания.

Сырая и тускло освещённая камера оказалась переполнена всякой разношерстной братией, но полумрак не был преградой для кошачьих глаз, хорошо видевших в темноте. Быстро окинув взглядом пространство, Базиль заметил несколько групп заключённых, решая к какой примкнуть. На удивление здесь были не только отпетые должники, но и мелкие воришки, шулеры и даже пара костоломов, некогда державших в страхе сначала жителей живого Парижа, а потом по естественным причинам переместивших свою деятельность сюда. Все эти типы сидели или лежали прямо на каменном полу и имели крайне неприятный вид.

Появление нового заключённого вызвало самую разную реакцию. В преступных кругах Базиль был известен ещё под

одной своей кличкой – Шерстяная Душа — и уже успел снискать расположение некоторых местных авторитетов и неприязнь других группировок за мощный удар острых когтей, умение быстро схватывать, как в прямом (товары с прилавков без оплаты), так и в переносном смысле этого выражения, и ловко обыгрывать в карты даже самых шулеристых шулеров.

– Ну, как говорится, свет вам в души, а оправданье в уши, некромантам – крышка, а несогласным – вышка! – вальяжно поприветствовал всех присутствующих Базиль на принятом в Потустороннем Париже воровском жаргоне.

– Ба! Да это ж наш старый знакомец! На чём тебя взяли, брат? Неужели отказался исполнять супружеский долг? – спросили его из дальнего угла.

Там обосновалась компания шулеров, среди которых чудесным образом затесался скелет в погнутой короне, явно чувствовавший себя здесь не в своей тарелке, но державшийся с поистине королевским достоинством.

– Наоборот, пока я раздаю всем желающим дамам свою любовь в кредит, ибо ни одна из них не заставит меня быть ей должным! – весело сказал Базиль, направляясь к ним.

– А ты от тюрьмы и от богатой женщины не зарекайся, Шерстяная Душа! – прозвучало в ответ.

Похоже, это замечание вполне можно было отнести к Клодине де Нозиф. О богатстве некромантов ходили легенды.

Их умопомрачительные наряды, роскошные экипажи и украшения ярко контрастировали с катастрофической бедностью большинства обитателей Потустороннего Парижа, но никакие богатства не могли заменить счастье. Клодина де Нозиф ощущала себя самой несчастной женщиной по ту и по эту стороны. Сегодня она явилась во Дворец Правосудия с большим опозданием. После беседы с Хозяином Потустороннего Парижа, мадемуазель долго не могла прийти в себя, дрожа от ярости и страха, а сообщение от тёмных душ, перенюхавших к тому времени весь живой Париж, заставило её разрыдаться: оборотня не нашли.

Надежда таяла на глазах, только работа всегда спасала Клодину от полного отчаяния, именно этим объяснялась маниакальная сосредоточенность на результате, которую так высоко ценил Ле Гран Фушюз, периодически намеренно доводивший Главу Пыточного следствия до белого каления. Она вошла под своды Замка Консьержи, когда последняя слезинка уже высохла на бледной щеке, не давая повода для пересудов и сплетен.

– Доложите обстановку! – коротко бросила она склонившимся перед ней кромешникам.

– Произведено уплотнение заключенных, Ваше Жестокосердие! – доложили они, обращаясь к ней по принятой форме. – Часть самых смирных перевели в долговой сектор с нижних ярусов.

– Кто посмел отдать такой приказ без моего ведома?! –

возмутилась Клодина, грозно подбоченившись.

Все знали, что если Глава Пыточного следствия вставала в позу сахарницы, уперев руки в боки, то лучшим решением было скрыться с глаз долой от её гнева.

– Распоряжение Люрора де Куку! Он провёл аудит финансовой отчётности и пришёл к выводу о нецелевом использовании помещений! – доложили кромешники, прячась в стены, и вовремя: вне себя от гнева, Клодина полоснула веером перед собой, прорезав стену и пол.

– Простите, Ваше Жестокосердие! – не смея показаться на глаза, твердили кромешники.

Клодина собиралась продолжить крушить всё вокруг, но вдруг остановилась от странного ощущения, которое заставило её сердце учащённо забиться, а щёки – порозоветь: снизу, из только что проделанной дыры в полу, сочился знакомый аромат мускуса.

Неужели это он?! Невозможно! Он здесь?! Получается, этот оборотень ещё и преступник?! Какая ирония судьбы! Впрочем, всё сходится: полюбезничав с ней, этот дерзкий индивид мог совершить переход, поэтому его и не обнаружили тёмные близонюхие души! А попасть в тюрьму в Потустороннем Париже дело нехитрое, уж кому, как не ей, было это знать: ищейки Пыточного Следствия, что называется, мели всех подряд, при малейших подозрениях – таково было указание Хозяина, которое Клодина исполняла неукоснительно.

Что, если автора фривольной любовной записки конвоируют сейчас в камеры? Что ж, посмотрим, каков он из себя, этот герой! Клодина осторожно извлекла послание, спрятанное за корсажем, ещё раз прочитала стишки и мечтательно улыбнулась: судя по следам когтей, оборотень зверь крупный и сильный, что сулило потрясающее приключение. Греза о долгожданной встрече, Клодина бросилась вниз со всей возможной скоростью, какую могла развить женщина, одетая в платье эпохи рококо.

Галантный век, воспевавший красоту женских бёдер, гротескно расширенных для эффекта необъятными физмами, не предусматривал для дам столь стремительных маршбросков по узким коридорам и лестницам, но это совершенно не останавливало мадемуазель де Нозиф. Задев физмами за углы и иногда даже застревав в особенно узких местах, она мчалась за запахом мускуса, насмерть перепугав всех служащих, решивших, что Глава Пыточного следствия, спешит к ним с внеплановой проверкой (определённые грешки водились за всеми, даже кромешники порой были способны на самые кромешные глупости).

Результатом этого действия стали чисто убранные кабинеты, мгновенно написанные отчёты, донельзя опрятный внешний вид, нижайшие поклоны и многие другие метаморфозы, на практике доказывающие, сколько пользы может принести женщине бег на длинные дистанции. Прилетев, как ураган, на долговой ярус, Клодина остановилась в замеша-

тельстве. Запах её мечты растворился среди множества других, среди которых особенно ярко ощущался запах крови, неумолимо доносившийся с ярусов пыток. С того момента, как Ле Гран Фушюз провозгласил себя Хозяином, силой и обманом подчинив себе всех остальных некромантов, многие её мечты уже утонули в крови, тянувшейся за ней, словно алый шлейф, через прожитые века, но теперь Клодина готова была бороться за возможное счастье.

Тело и душа томились жаждой немедленно броситься в камеры и во что бы то ни стало разыскать того, кто посмел быть столь искрометно дерзким, неожиданным, галантным и смелым с Главой Пыточного следствия, но разум советовал ей иное: не торопить события. Сейчас, когда Ле Гран Фушюз усилил контроль вплоть до проверки воспоминаний своих приближённых, резкие движения было делать опасно, к тому же Клодина боялась спугнуть своего поклонника; хотя он и не робкого десятка, но мадемуазель де Нозиф опасалась произвести нежелательное впечатление, да и справки о незнакомце тоже хотелось навести, чтобы невзначай не остаться в дурах.

– Какие будут указания, Ваше Жестокосердие! – Ничего не понимающие кромешники выросли из пола, чтобы вытянуться перед ней во фронт.

– Все дела, заведённые на заключённых, поступивших сюда во время моего отсутствия, и новые покамерные списки немедленно доставить в мой кабинет! – холодно молвила

Клодина и, повернувшись на каблуках, чинно пошла обратно.

– Будет исполнено! – отчеканили кромешники.

Кабинет Главы Пыточного следствия состоял из трёх комнат. В первой располагались рабочий стол, библиотека и хранилище для особо важных дел, во второй – кресло для релакса и коллекция музыкальных шкатулок, в которых Клодина хранила стоны своих жертв, а самая дальняя комната, двери которой имели множество секретных замков, служила для особых развлечений, которые Глава Пыточного следствия позволяла себе время от времени для снятия стресса, выбирая самых красивых заключённых.

Странное дело, ей впервые не хотелось, чтобы дерзкий оборотень, привлёкший её внимание, попал сюда, потому что все заключённые, доставленные кромешниками в эту тайную комнату, быстро теряли волю и могли вызывать только презрение, а Клодине хотелось любви, которую мог дать только смелый и уверенный в себе мужчина (именно такого она искала всю жизнь!).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.